

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ИЮЛЬ
2021

№7/129

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЖЕСТОКИЙ РОМАН-С

ДЕВУШКИ ЕГО МЕЧТЫ

КОРОНА В ВОЗДУХЕ

ВСЯ ВЛАСТЬ – МОССОВЕТУ!

Загробная
месть Дианы

МАХАТМА ГАНДИ: ЙОГ И КОМИССАР

КОРОЛЕВА БРИТАНИИ

НАПОЛОВИНУ РУССКАЯ ДУШОЮ

в спецвыпуске

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

Жестокий роман-с

ЕЕ СРАВНИВАЛИ С «КОМЕТОЙ ДИВНОЙ КРАСОТЫ»,
ЧЕЙ ВЗЛЕТ БЫЛ БЛИСТАТЕЛЕН, ГИБЕЛЬ УЖАСНА.
ДРАМА ЕЕ ЖИЗНИ ВДОХНОВИЛА ТУРГЕНЕВА
НА ЕГО ПОСЛЕДНЮЮ ПОВЕСТЬ
И КУПРИНА – НА САМЫЙ ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2010 года

В 1882 году Иван Сергеевич Тургенев написал свою последнюю повесть. Она называлась «После смерти» с подзаголовком в скобках: «Клара Милич». Несколько лет спустя юнкер Александр Куприн использовал тот же сюжет из реальной жизни в своем первом рассказе «Последний дебют». За публикацию этого рассказа юноша угодил на гауптвахту – начальство запрещало юнкерам печататься без его дозволения.

Нельзя, конечно, сравнивать повесть великого мастера и первый юношеский опус. Но их роднит образ главной героини – яркой творческой личности с трагической судьбой. Прототипом тургеневской Клары Милич и купринской Лидии Гольской была выдающаяся оперная певица и драматическая актриса Евлалия Кадмина. Русское театральное искусство конца XIX – начала XX веков прославили великие актрисы: Ермолова, Яблочкина, Комиссаржевская. О них написано много книг и статей, их имена носят театры. Однако ни одна русская актриса не по-

служила прототипом для столько рассказов, повестей, пьес и музыкальных произведений, как Евлалия Кадмина!

Что же это за женщина, что за судьба, тронувшая сердца столько художников, вдохновившая старого мастера на лебединую песнь и юное дарование – на претный дебют?

Цыганочка благородного звания

Невероятное событие всколыхнуло сонную Калугу: купец Павел Кадмин женился на цыганке. Слухи ходили разные: одни говорили, что он ее чуть ли не из табора выкрал; другие уверяли, что Кадмин привез певицу из московского цыганского хора и влюбился. Так оно и было: взыграло ретивое, и ухарь-купец, по обычаю, выкупил девушку у хора, женился честь честью. Казалось бы, столько в Калуге купеческих дочек на выданье, и приданое за ними немалое, а он... Купцы даже обиделись на Кадмина, а ему и горя мало!

В 1853 году у Кадминых родилась третья дочка, Евлалия, а по-домашнему – Влаша. Она единственная пошла в мать – смуглолицая, с большими черными

глазами и темными вьющимися волосами. От матери ей достались и звонкий голос, и музыкальность. И цыганский норов тоже: она с детства была горда и непокорна.

Кадмина была одной из лучших студенток только что открывшейся Московской консерватории (на фото слева). Вверху: в роли Анхен в опере Вебера «Волшебный стрелок», 1873 год

Хоть и недалеко Калуга от первопрестольной, а жизнь тут текла самым провинциальным манером. Досуги – чай до седьмого поту, картишки, пересуды. Из развлечений – пьянки, драки и пожары. Из культурных событий радовал только военный оркестр в городском саду по воскресеньям да редкие любительские спектакли. Впрочем, «скука смердячая», как выразился местный бытописатель.

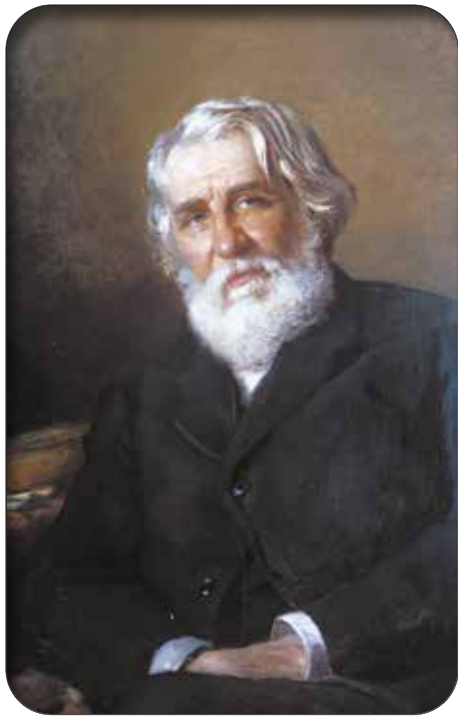
Только летом, в деревне, Влаша словно оживала. Тут ей было привольно – и гулять, и играть, и петь простые деревенские песни.

Девочка-подросток опережала сверстниц в развитии, ее способности и таланты буквально рвались наружу. Родители всерьез задумались об образовании дочери. С превеликими трудами удалось определить Влашу в московский Елизаветинский институт для «девиц благородного звания». Благодаря деньгам и хлопотам отца полуцыганка Влаша попала в «благородные».

Влаше понравилось учиться, она всегда была среди первых учениц. И Москва – яркая, звучная, суматошная – пришлась ей по сердцу. Но самым большим потрясением стало первое посещение Большого театра. В тот день давали «Руслана и Людмилу». Влаша не запомнила имен исполнителей, театр вошел в душу весь, сразу и навсегда.

В год окончания института, когда Влаше исполнилось шестнадцать лет, внезапно умер отец. Мать-цыганка не умела вести дела, и будущность семьи оказалась под угрозой. И быть бы Влаше гувернанткой в богатом доме или компаньонкой при знатной старухе, если бы не счастливый случай.

Влаша много и с удовольствием пела, легко запоминала самые сложные арии,

Прототипом главной героини последней повести Ивана Тургенева «После смерти» была Евлалия Кадмина

исполняла их, в том числе, на институтских вечерах. На один из таких вечеров институтское начальство пригласило именитых гостей, и среди них – основателя и директора Московской консерватории Николая Григорьевича Рубинштейна. Выдающийся музыкант-педагог, «музыкальный хозяин Москвы», как его называли, сразу отметил красивый и выразительный голос Кадминой, яркую внешность и артистизм. Он предложил Влаше держать экзамены в консерваторию и пообещал выхлопотать для нее стипендию.

Так неожиданно устроилась судьба Евлалии Кадминой. Осенью 1870 года она приступила к занятиям в консерватории, а ее наставницей стала известная певица А.Д. Александрова-Кочетова – та самая Людмила из первого увиденного ею спектакля.

Орфей в юбках

Московская консерватория была еще очень молода, она работала всего четыре года, но уровень подготовки молодых музыкантов уже был чрезвычайно высок. Имена преподавателей говорили сами за себя: занятия по гармонии вел П.И. Чайковский, классом декламации и сценического искусства руководил выдающийся актер Малого театра И.В. Самарин. Именно он развил в Кадминой способности драматической актрисы; Евлалия просмотрела весь репертуар Малого, иногда даже задумывалась: может быть, ее место на драматической сцене?

Уже в ученические годы Евлалия Кадмина начала выступать на вечерах в консерватории, а в мае 1872 года состоялся ее дебют на оперной сцене: учащиеся под руководством Самарина поставили оперу Глюка «Орфей», несколько представлений состоялось в зале Благородного собрания. Знаючи отметили прелестный голос Кадминой, теплый тембр, верность музыкальных интонаций; она пела и играла как состоявшаяся артистка. Особенно дорог ей был отзыв Чайковского: «Кроме своих вокальных преимуществ, г-жа Кадмина обнаружила в исполнении партии Орфея далеко не дюжинный талант, который позволяет надеяться, что ей предстоит блестящая будущность...»

На одном из представлений «Орфея» присутствовала императорская семья. Возможно, именно пение Кадминой помогло исправить бедственное положение консерватории: училищу была назначена правительственная субсидия.

Весной 1873 года Евлалия Кадмина окончила консерваторию с серебряной медалью – первая из выпускниц-вокалисток. Ее известность дошла и до дирекции Большого театра. Девятнадцатилетней артистке предложили выступить на сцене

Большого в сборных концертах. В первом она исполнила партию Вани в сцене из оперы «Жизнь за царя» Глинки. Публика оценила выступление Кадминой овацией и криками «Браво!»: еще никогда в Большом так не принимали дебютантку. Присутствовавший на спектакле Чайковский писал: «Смотря на мастерскую игру молодой певицы, слушая ее глубоко почувствованное пение, никак не верилось, что это была артистка, еще впервые появляющаяся на подмостках...» Во втором сборном концерте Кадмина пела в «Трубадуре» Верди, в третьем исполнила роль Леля в весенней сказке Островского «Снегурочка» на музыку Чайковского.

В честь представления «Снегурочки» Рубинштейн и Чайковский устроили пикник на Воробьевых горах. Мимо развеселой компании проходили местные мужики и бабы, их попросили спеть, и тут Кадмина оживилась и, как вспоминал участник пикника, «к голосам деревенских певиц присоединилось бархатное, богатое меццо-сопрано». Все это действительно напоминало ожившую сцену из «Снегурочки».

Дальше – что ни роль на подмостках Большого, то триумф: Княгиня в «Русалке» Даргомыжского, Рогнеда в одноименной опере Серова, боярыня Морозова в «Опричнике» Чайковского, Ратмир в «Руслане и Людмиле». Овации, цветы, хвалебные рецензии – всего этого было у Кадминой в избытке. Но она не была удовлетворена, если не сказать – разочарована.

Русская опера в Москве буквально боролась за существование. Значительная часть публики традиционно признавала только итальянскую оперу. Поэтому спектакли итальянской антрепризы составляли добрую половину репертуара. Еще примерно треть вечеров отводилась балетным спектаклям. А на долю русской труппы Большого театра доставался лишь один вечер в неделю. И, по правде говоря, на этих спектаклях всегда пустовали ложи, партер зиял пустыми креслами; только раёк неизменно заполнялся студентами и демократической публикой.

Кадмина тяжело переживала делаческое отношение к искусству, поэтому ее отношения с дирекциями, а впоследствии с театральными антрепренерами, редко бывали мирными. Ее натуре был присущ какой-то подростковый максимализм, который некоторые принимали за капризы примадонны. И если что-то ее возмущало, в ней просыпался цыганский

чертенок, она нарочно доводила ситуацию до предела.

Ранимая, обидчивая, она могла вспылить и наброситься даже на друзей. А потом горько раскаивалась, просила прощения при встрече или писала покаянные письма, подписываясь: «бешеная Кадмина».

Несмотря на видимую общительность, большой круг друзей и знакомых, Кадмина была внутренне одинокой. Она не могла или не хотела войти ни в высший свет, ни в общество творческой элиты. Ценила дружбу, встречалась, общалась, вела оживленную переписку, но... ни с кем не была по-настоящему близка. Примадонна на сцене, она сторонилась этой роли в реальной жизни.

Личной, интимной жизни у Кадминой не было. Закулисные интрижки, навязчивые поклонники – все это было ей глубоко чуждо. Она как-то сумела отвадить от себя многочисленных воздыхателей и жила схимницей. Никто не затронул ее сердца; за нее любили ее героини, и как любили!

Многие замечали в Кадминой – как в артистке и как в женщине – какое-то стихийное начало, неуправляемое, роковое. Чуть ли не все рецензенты писали, что она особенно хороша в трагических ролях. Чайковский видел в ней романтическую героиню и посвятил ей романс «Страшная минута», к которому сам написал слова.

Рассказывают, что автор преподнес свое творенье Кадминой на товарищеском ужине московской музыкальной богемы. Евлалия, прочитав последние строки «Иль нож ты мне в сердце вонзишь, / Иль рай мне откроешь», положила на поднос нож и приказала лакею: «Отнеси господину Чайковскому».

Зачем было так демонизировать образ Кадминой, дамы и без того неуравновешенной? Но так уж воспринимал композитор артистку и впоследствии писал: «Я хорошо знал эту странную, беспокойную, болезненно самолюбивую натуру, и мне всегда казалось, что она не добром кончит».

А сама Кадмина впервые исполнила этот романс на публике только через три месяца, и неизвестно, пела ли его впоследствии.

Путешествие из Москвы в Петербург и обратно

Истекал двухлетний контракт Кадминой с Большим театром, возобновлять его певица не хотела.

Образ героини рассказа Александра Куприна «Последний дебют» также был навеян Кадминой

В это время в Санкт-Петербурге русская опера занимала более достойное положение. В распоряжении русской труппы был Мариинский театр. Правда, и эту сцену музыканты делили с драматическими артистами, но все-таки три-четыре спектакля в неделю давали постоянно. Оркестром руководил выдающийся дирижер и композитор Э.Ф. Направник, режиссером был известный певец Ф.П. Комиссаржевский, отец знаменитой артистки. А главное, публика ходила на русские оперные спектакли, ждала новых премьер. Конечно, и в Северной столице итальянская опера преобладала, ей был предоставлен в полное распоряжение Санкт-Петербургский Большой театр с прекрасной акустикой. Мариинский уступал Большому по всем статьям.

Неслучайно появилась статья влиятельного музыкального критика, в которой он писал: «Движимый добрым сердцем, я хочу предложить театральной дирекции средство от недуга, подтачивающего петербургскую русскую оперу. Средство мое очень просто – пригласить из Москвы г-жу Кадмину... Свежий, красивый голос, безукоризненно чистая интонация, выразительное осмысленное пение и изящная простота в игре...»

В 1875 году Кадмина дебютировала в Санкт-Петербурге в опере «Опричник». После каждого действия публика по нескольку раз вызывала артистку. Последовали другие оперы и роли, восторженные овации, цветы; после одного из спектаклей зрители поднесли Кадминой лавровый венок!

И тут приключилась история, о которой мало кто знал. По свидетельству современника, «бродили смутные толки, выставлявшие причиной безуспешные ухаживания одного вельможи, которому не удавалось победить гордую холодность неприступной артистки, привыкшей слушаться только голоса собственного сердца. Кадмина решила лучше совсем уехать из Петербурга, чем подчиниться настоячивому поклоннику».

Так или иначе, Евлалия вернулась в Москву, в течение марта 1876 года выступила в нескольких спектаклях и в двух концертах на сцене Большого театра и вдруг исчезла.

Друзья певицы вскоре получили известия о ней. Наконец, она объявилась... в Италии.

Необычайное приключение Евлалии в Италии

Желание поехать в Италию созрело давно, а в последние годы крепло день ото дня. Кадмина начала заниматься с преподавателями, училась старательно, однако... Внутренне артистка сопротивлялась итальянскому «бельканто». Культ вокала как самоцель, технические эффекты в отрыве от создания художественного образа казались ей бессмысленными. Преподаватели предложили ей

Афиша спектакля Большого театра «Жизнь за царя» (XIX век). Кадмина исполняла партию Вани из этой оперы

► перейти на сопрановые партии, петь в более высоком регистре. Кадмина всегда мечтала петь высоким сильным голосом. Кроме того, в оперном репертуаре тогда было намного больше сопрановых партий, а Евлалии хотелось новых ролей. И она совершила роковой шаг: запела «не своим голосом».

Как ни старалась Кадмина сохранить свое инкогнито, газетчики пронюхали, что в Италию приехала знаменитая русская певица. Вслед за газетными сообщениями поступили предложения от нескольких театральных антрепренеров. Артистка не без колебаний согласилась подписать контракт. Она рассудила, что сможет увидеть и понять итальянскую оперу, что называется, изнутри; это будет частью ее учебы, ординатурой, так сказать. Ну, и помимо всего прочего, у артистки кончались деньги, надо было зарабатывать на жизнь.

Контракты были непродолжительными, Евлалия выступала в оперных театрах Неаполя, Турина, Флоренции и Милана, всюду с неизменным успехом. Впервые она исполняла и новые для себя сопрановые партии. Ее тепло встречала публика, газеты отмечали «высокую культуру исполнения», «большой драматический талант», а по поводу внешности артистки авторы соревновались в эпитетах: отмечали ее «магическую красоту», уверяли, что «за русской красавицей, которая чернее и огненнее итальянок, бегают восхищенные взоры...»

А русская красавица тем временем тосковала. Атмосфера в итальянском закулисье была еще тягостнее, чем в России: дразги, низкое интриганство, безразличие к искусству. Антрепренеры беззастенчиво нарушали контракты; с одним из них Кадминой пришлось даже судиться.

Кадмина заболела и оказалась в больнице. Ее лечил молодой врач, красивый, заботливый, любезный. Так часто случается: беспомощная пациентка, к тому же иностранка, потянулась к лечащему врачу. Доктору Форкони тоже очень понравилась русская красавица, ему льстило внимание известной певицы. Кадмина и Форкони обвенчались.

Их брак был очень коротким. Вероятно, они подходили друг другу по темпераменту, но духовно не были близки. Мужу-итальянцу трудно примириться с тем, что его жена самодостаточная личность, что она никогда не станет примерной итальянской матроной. Начались раздоры, скандалы, и последовал разрыв. Евлалия некоторое время, до официального развода, подписывалась двойной фамилией: Кадмина-Форкони.

Тоска артистки сменилась настоящим отчаянием. Только в одном письме, близкому другу, Кадмина чуть приоткрыла душу. Она писала, что «перенесла много, очень много страшных минут, и ко всем неудачам, ко всему-то горю прибавилось невыносимое мучение – сознание всеобщего отчуждения». И далее: «Я не один раз пыталась действительно стереть с лица земли самую память о моем существовании; но яд не действовал, а из реки вытащили полицейские». И тут же молила адресата: «Не рассказывайте, Вашей дружбы ради, не рассказывайте этого никому; я не хочу никому поверять моей муки, я стараюсь забыть ее, да и Вас усердно прошу разорвать это письмо и никогда не вспоминать того, что невольно сорвалось с моего пера...»

Очень кстати подоспело письмо с новым предложением: антрепренер И.Я. Сетов звал Кадмину в труппу Киевской оперы. Осенью 1878 года Евлалия Кадмина покинула Италию и отправилась в Киев, чтобы успеть к началу сезона.

Талант и клака

Евлалия Кадмина дебютировала на сцене Киевской оперы в «Аиде» Верди. Гордая и властная дочь фараона Амнерис в ее исполнении покорила киевлян. Восторженным отзывам не было конца. Но уже вторая порученная ей роль удивила весь театральный Киев: Маргарита в «Фаусте» Ш. Гуно – сопрановая партия, трудная даже для высоких голосов. К тому же образ Маргариты явно выпадал из «кадминского» амплуа. Очевидно, Сетов и рассчитывал на сенсацию, чтобы привлечь публику. Кадмина согласилась – ей

Евлалия Кадмина в последней роли Василисы Мелентьевой. Неизвестный художник. Роспись на фарфоре. Ноябрь 1881 год

всегда нравились задачи на грани возможного.

Спектакль оправдал ожидания создателей и публики, Маргарита в исполнении Кадминой явилась поистине гётевской героиней: кроткой и нежной. Но собственно пение Кадминой оказалось не безупречным, высокие тона звучали резко и сухо.

Вслед за Маргаритой в репертуаре Кадминой появились другие сопрановые партии: Наташа в «Русалке», Паж в «Гугенотах» Мейербергера и другие. Отношение критики к этим ролям можно свести к одной фразе киевского рецензента: «Замечательная игра выкупала все недостатки ее как певицы».

Хуже всего то, что артистке иногда приходилось в один день исполнять роли в разных диапазонах – большое напряжение для голоса! В условиях постоянной спешки и выступлений без отдыха сдавал не только голос, но и нервы, и здоровье вообще. Артистка, которая прежде охотно подменяла заболевших коллег, теперь сама частенько хворала.

И еще одно обстоятельство постоянно нервировало Кадмину. Дело в том, что русская публика быстро переняла худшие традиции итальянских обожателей оперных певиц. Поклонники объединялись в «группы поддержки» своих любимцев, ошкивали соперниц, используя наемную клаку. В провинции это явление принимало особенно уродливые формы, так как здесь партер и ложи заполняли в основном нувориши, купеческие сынки. Именно эти завсегдатаи театра с самого начала не приняли Кадмину.

Весной 1880 года Евлалия Кадмина получила спасительное предложение: антрепренер харьковской оперы П. М. Медведев настоятельно звал артистку в свою труппу.

Цветы запоздалые

Со стороны казалось, что звезда Евлалии Кадминой все еще восходит. Современник писал: «Ее харьковская жизнь была победным шествием богини». И в самом

деле, большая часть публики ее обожала, а студенты и гимназисты были повально влюблены в Кадмину. Случалось, после спектакля молодые зрители останавливали ее экипаж, выпрягали лошадей и сами везли артистку до гостиницы «Европейская», где она жила.

И мало кто замечал «невидимые миру слезы». Голос все чаще изменял певице. Кадмина тяжело переживала, нервничала, болезненно реагировала на пустячные казусы суетливой театральной жизни.

Евлалия находила покой только в двух-трех харьковских семьях. Один из друзей вспоминал: «Молчалива она. Карие глаза под длинными черными ресницами задумчивы. Говорит своим низким голосом медленно. Никогда не шутит. Никаких разговоров о театральных дразгах, никакой мишуры...»

В этот трудный период Медведев предложил Кадминой попробовать себя в амплуа драматической актрисы. Евлалия колебалась: музыка не отпущала, но в то же время переход в драму казался выходом из тупика. Антрепренер советовал для начала лишь попробовать себя в одном спектакле, а когда артистка согласилась, сразу дал ей роль Офелии. Публика приняла ее восторженно. При появлении Кадминой на сцене, все остальные персонажи словно уходили в тень. Самоубийство Офелии в трактовке Кадминой было не следствием безумия, а сознательным выбором: «быть или не быть» в этом безумном мире.

Вскоре она играла главные роли в «Грозе» и «Бесприданнице» Островского, в «Укрощении строптивой» Шекспира. Некоторые зрители осудили переход артистки в драму. Одни считали этот шаг изменой «святому искусству», другие сочли его экстравагантной выходкой капризной звезды. Газеты подливали масла в огонь, например, «Южный край» разразился гневной отповедью за то, что после своего бенефиса Кадмина приняла от публики ценные подношения. Автор вопрошал: нравственно ли

это, когда в соседних уездах крестьяне голодают?... Выпад газеты был несправедлив по отношению к артистке, которая вела очень скромный образ жизни, всегда безотказно выступала в благотворительных концертах, в том числе в пользу голодающих, тайно жертвовала деньги на поддержку политзаключенных и ссыльных.

Евлалия смертельно устала в одиночку противостоять миру пошлости и лжи. В такие «страшные минуты» женщина безотчетно ищет мужчину, хотя бы только внешне напоминающего защитника. Ее избранником стал молодой офицер, завсегдатай кулис, из тех неотразимых провинциальных волокит, которые осаждают актрис, клянутся в неземной любви, а сами одновременно ищут невесту побогаче. Этому ничтожному, в сущности, человеку чрезвычайно льстила победа над выдающейся артисткой, было чем похвастаться в офицерской компании.

Кадмина полюбила горячо и безрассудно. До нее доходили слухи об изменах возлюбленного, но Евлалия сочла их обычным злословием многочисленных недоброжелателей. Она не встревожилась даже тогда, когда офицер некоторое время не появлялся в театре и не подавал о себе известий.

Как раз в эти дни Евлалия подготовила роль Василисы Мелентьевой в одноименной исторической драме А.Н. Островского. В первом акте Кадминой то и дело аплодировали. Евлалия вышла на поклон, подняла глаза и увидела в нижней ложе своего избранника. Он всегда сидел там один, а сейчас с ним была молодая особа, дорого, но безвкусно одетая. Офицер демонстративно оказывал спутнице знаки внимания, то и дело бросая взгляды на Кадмину, и улыбался, словно хотел сделать больнее...

Не помня себя, артистка дошла до своей уборной, села перед зеркалом. Ее охватило отчаяние, она была обманута, унижена, оскорблена в лучших чувствах. В зеркале чудились бледные лица ее героинь: русалка Наташа, Офелия, Катерина. Они предпочли смерть жизни без веры, без надежды, без любви. Кадмина ломала спички и бросала фосфорные головки в стакан с водой. Когда ее позвали на сцену, залпом выпила мутный раствор.

Начинался второй акт драмы – последний акт ее жизни. Речь актрисы замедлялась, дыхание учащалось. Бледность протупала сквозь грим. Глаза лихорадочно блестели. Собрав последние силы, она отчетливо произнесла:

*Я утром в думе видела твой взгляд,
И этот взгляд насквозь прожжет мне сердце...*

Кадмина упала на подмостки. Ее отвезли в гостиницу. Слух о случившемся мгновенно облетел весь город. Толпа людей собралась у входа в «Европейскую», все ждали заключения врачей. Но они были бессильны: белый фосфор слишком сильный яд. Артистка умирала в муках шесть дней. Десятого ноября 1881 года ее не стало. Ей только что исполнилось двадцать восемь лет.

Казалось, весь Харьков пришел проститься с Евлалией Кадминой. Очевидец писал: «Венки, хоругви, знамена, волнующаяся, как море, многотысячная толпа народа, шум экипажей, чьи-то стоны и плач... и над всей этой феерической картиной тусклое осеннее небо со свинцовыми бликами...» Процессию сопровождала чуть ли не вся полиция Харькова – чтобы предотвратить расправу над виновником смерти Кадминой, «офицершкой», как называли его сами полицейские. И над разверстой могилой звучали горькие, тяжелые признания:

«Еще одна разбитая, неудавшаяся жизнь, еще одна жертва, еще одна свежая могила на обширном кладбище русских талантов...»

«Прости нам, что мы, умея любоваться твоим талантом, не сумели тебя убедить!»

...«Слава оперной сцены» – высечено на скромном памятнике над могилой Евлалии Павловны Кадминой. Там и сегодня иногда появляются свежие цветы.

Фото из архива автора

**ЭТИ ЖЕНЩИНЫ ПОВЛИЯЛИ
НА СТИЛЬ И ОБРАЗ ЖИЗНИ
ЗНАМЕНИТОЙ
BELLE ÉPOQUE –
ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА
XX ВЕКОВ. «ДЕВУШКИ
ГИБСОНА»: КТО ОНИ, КАК
СЛОЖИЛИСЬ ИХ СУДЬБЫ?**

Девушки его мечты

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2011 года

Каждая эпоха формировала свои идеалы. В том числе идеал женской красоты. Он рождался в воображении художников из едва уловимых примет и веяний нового времени. А потом этот идеал спускался с полотен художников – на страницы иллюстрированных журналов.

Сейчас само слово «идеал» вызывает у большинства ироническую усмешку, это понятие заменено неким стандартом внешних данных, да и тот недолговечен. Сравнительно недавно ценились девушки в стиле unisex, с бледными лицами и глазами наркоманок. А теперь в моде женственные формы, большая грудь и чувственные губы. Будьте уверены, и это ненадолго. Время «большого стиля» ушло в далекое прошлое.

Длительный период конца XIX – начала XX века, вплоть до Первой мировой войны, в Европе называют Belle époque – «Прекрасная эпоха». В России он примерно соотносится с Серебряным веком художественной культуры. В этот период зародился и расцвел последний «большой стиль», модерн, который охватил литературу, искусство, архитектуру, моду и стиль жизни. В 1890-е годы на страницах американских иллюстрированных журналов появились образы молодых женщин, во многом сформи-

ровавшие облик и характер дамы эпохи модерн. Они стали знаковым явлением того времени, их называли по имени автора – «девушки Гибсона».

Богини из чернильницы

Чарльз Дана Гибсон родился в 1867 году, его предки были среди первых переселенцев в Новую Англию. Двое Гибсонов избирались сенаторами. Прадед и отец Чарльза неплохо рисовали, юноша унаследовал их талант. Он сделал выбор в пользу графики. Бумага, перо и чернила – это все, что ему требовалось; исключительно черным по белому он мог передать весь многоцветный мир. Семья поддерживала талантливого юношу. Два года Чарльз занимался в художественной студии, прекрасно знал творчество не только американских, но и европейских графиков. В 1886 году он продал свой рисунок за четыре доллара в недавно основанный журнал «Лайф». И с той поры Чарльз Гибсон стал постоянным сотрудником «Лайфа».

После первого успеха Чарльз снял собственную студию, его рисунки охотно печатали ведущие журналы Нью-Йорка. Он изображал жанровые сценки с мягким юмором, его интересовала жизнь света, но еще чаще его героями становились, что называется, люди с улицы. Он мастерски владел точной линией, энергичным штрихом, умел передать общее настроение. Иногда его рабо-

ты наполнялись философским смыслом: вот две сценки на одном листе – слева красивая статная девушка идет под венец с тщедушным богатым стариком, а справа на паперти сидит старуха и держит в руках кружку для подаяний и табличку с надписью «Слепая». Подпись под рисунком гласит: «Две слепые женщины».

И как бы между делом из-под пера Гибсона появлялись изящные фигурки и красивые головки девушек и молодых женщин. Но это были пока еще придуманные образы, навеянные духом раскрепощения после долгой викторианской эпохи; в Америке эти перемены ощущались сильнее, чем в старушке Европе. Новые образы ожили, когда в студии Гибсона появились реальные героини его времени.

В 1895 году Чарльз женился на очаровательной девушке Ирэн Лэнгхорн. У нее были голубые глаза и светлые волосы, уложенные в высокую прическу «буффант», горделивая посадка головы на изящной длинной шее. В семье Лэнгхорнов было пять дочерей, одна другая привлекательнее. Ирэн к тому же была интересной и остроумной собеседницей. Ее часто выбирали королевой балов в родной Виргинии, а в дом Лэнгхорнов то и дело наезжали потенциальные женихи.

Чарльз и сам был красив и статен. Ко времени знакомства с Ирэн он уже прочно стоял на ногах, был известным художником в Нью-Йорке. И все-таки

робел – до него девушка отказала шестидесяти шести женихам! Но Гибсон проявил настойчивость и добился благосклонности разборчивой невесты. Ему предстояла поездка во Францию и Англию, поэтому он решил, что медлить нельзя. И сделал предложение в остроумной манере:

– Ирэн, вы можете сказать «да», а можете сказать «ДА»!

Она рассмеялась, и они поженились. В Америке, а затем в Европе Гибсоны сделали знаменитой парой – молодые, красивые, успешные. Чарльз готов был рисовать жену бесконечно: то в образе светской львицы, то скромной супруги в домашней обстановке; на поле для гольфа, на велосипедной прогулке, на пляже в довольно откровенном для тех лет костюме.

Другой моделью для «девушек Гибсона» стала родная сестра жены – Нэнси Лэнгхорн. Она была настоящей «красавицей Юга», как ее часто называли, и обладала упрямым, независимым характером. Нэнси не боялась эпатировать общество, любила носить обтягивающие наряды, смело обнажала руки, плечи, шею и ниже – до крайней возможности. В то же время Нэнси была консервативна в вопросах религии и нравственности. В 1897 году она вышла замуж, но вскоре выяснилось, что муж слишком часто прикладывает к бутылке и не прочь поразвлечься на стороне. Одним словом, через четыре года брак распался, и Нэнси с маленьким сыном уехала в Англию. ▶

► Независимость и упорство Нэнси, свойственные многим американским женщинам, Чарльз Гибсон придал своим «девушкам».

Еще одной моделью художника была известная молодая актриса Эвелин Несбит. Она родилась в 1884 году в Пенсильвании, ее отец умер рано, оставив семье одни долги. Мать с дочерью и младшим сыном Говардом на руках перебивалась случайными заработками. Эвелин была красивой девочкой с волнистыми рыжими волосами, но тихой как ангел и довольно застенчивой. Когда ей было шестнадцать лет, она начала позировать художникам. В 1901 году известный фотограф Рудольф Эйкемейер сделал снимок, прославивший Эвелин.

Вскоре Эвелин стала хористкой в одном из театров на Бродвее. В семнадцать лет она уже содержала всю семью. Тогда Чарльз Гибсон нарисовал Эвелин в профиль, работа получила название «Вечный вопрос». С тех пор многие «девушки Гибсона» обзавелись романтическими прическами «водопад локонов», как у Несбит.

Гибсону позировали еще многие натурщицы и артистки, среди них звезда Бродвея Камилла Клиффорд, обладательница восемнадцатидюймовой талии, признанная «модным силуэтом» тех лет.

Эпидемия Gibson girls

Так родилась «девушка Гибсона». Она была стройной и высокой, с большими выразительными глазами, с тонкой «осиной» талией и высокой грудью (благодаря корсету, который носили даже под купальным костюмом), объемной прической, реже – с ниспадающими локонами. Она была обязательно модно и элегантно одета. Если художник изображал ее вне помещения, то она чаще всего была в шляпе.

Чарльз Гибсон изображал своих любимых в самых разных ситуациях: дома, в гостях, в театре, на скачках, на прогулке. Наконец, «девушки Гибсона» начали заниматься спортом, они появились на пляже в смелых купальных костюмах, они начали работать и освоили новые профессии – например, машинистки (тогда их называли «ремингтонистками» по самой распространенной марке пишущих машинок).

И наконец, они все были живые – среди множества созданий Гибсона нет одинаковых лиц, и на каждом лице непохожее выражение, индивидуальная эмоция. А как они любили! Вот девушка и юноша за шахматной доской,

их взгляды встретились, пальцы переплелись, шахматные фигуры рассыпаны, губы тянутся к губам. «Величайшая в мире игра продолжается» – так называется рисунок. Или другая сценка: юноша и девушка сидят на берегу моря и самозабвенно целуются; начался прилив, они почти по пояс в воде, их шляпы качаются на волнах, а они не замечают ничего вокруг!

Неудивительно, что все женщины Америки, а затем и Европы захотели походить на «девушек Гибсона». Не только внешне; эти рисованные существа были примером независимости и самостоятельности. Да, конечно, к этому призывали и феминистки (тогда их называли суфражистками), но то были дамы не первой молодости, «синие чулки». «Девушки Гибсона» делали феминизм привлекательной идеей и достижимой целью.

Популярность «девушек Гибсона» приобрела характер эпидемии. Их изображали на тарелках, печатали на платках, веерах, дамских зонтиках, постельном белье и даже на обоях; картинки с изображениями «девушек Гибсона» стали первыми рисунками в жанре pin up – их прикалывали на стену. Начали выпускать целые альбомы рисунков Гибсона, но главным разносчиком эпидемии оставался журнал «Лайф». Если очередной номер выходил без «девушек Гибсона», подписчицы поднимали настоящую истерику и художник вновь садился за работу.

Леди Астор – самая знаменитая из гибсоновских моделей, друг Бернарда Шоу и смелый оппонент Сталина

Иллюстрированный журнал заменял в те годы кино, радио и телевидение вместе взятые. Американский средний класс стремительно возвышался, и девушки из небогатых семей хотели походить на «девушек Гибсона», одетых порой скромно, но аристократично; новый стиль позволял простой учительнице одеваться и держаться с достоинством светской дамы.

Итак, из чернильницы Гибсона, подобно джину из лампы Аладдина, выпорхнул целый рой чарующих дев. Они были рождены, чтобы нравиться, любить и быть любимыми. Но отчего они невеселы? Почему среди всего разнообразия эмоций мы не видим смеха и даже улыбки? Изредка лишь ее тень заметна в уголках губ. Наоборот, часто в глазах печаль, в чертах лица – тревожное ожидание. Какая тайна скрыта за полуопущенными ресницами? Может быть, эти эфемерные создания предчувствуют, что век их недолог, что «прекрасная эпоха» вскоре завершится ужасной катастрофой? Или они предвидят личную драму? Ведь красота чертовски дорогой подарок судьбы, но зачастую – и непосильная ноша.

Как хиромант читает будущее по линиям руки, так художник видит судьбы в глазах и лицах своих моделей.

Что с ними случилось?

Три пули за Эвелин

Вот, например, Эвелин Несбит. Она продолжала играть небольшие роли, часто бессловесные, в бродвейских постановках, позировала художникам и фотографам. Вокруг нее всегда вилось много преследующих мужчин. И появился очень настойчивый поклонник – известный архитектор Стэнфорд Уайт. Ему было уже сорок семь лет, он слыл плейбоем, за всегда умел увеселительных заведений и любителем молоденьких артисток. Однако мать Эвелин считала, что его покровительство полезно для дочери. К тому же Стэн, как его называли близкие друзья, вел себя с Эвелин по-джентльменски. До поры.

Однажды Стэнфорд Уайт пригласил Эвелин в свою роскошную квартиру, сказав девушке, что приготовил ей подарок. Сначала они выпили шампанского, затем Уайт показал Эвелин великолепное японское кимоно, расшитое цветами и птицами. В ту пору японское искусство было в большой моде; японские гравюры, веера и ширмы украшали интерьеры; кстати, и высокие прически навеяны прическами гейш, эта мода особенно распространилась после триумфального шествия по миру оперы Джакомо Пуччини «Мадам Баттерфляй».

Девушка была в восторге от такого ценного и редкого подарка. Уайт предложил Эвелин примерить кимоно в его студии, декорированной зеркалами и красными бархатными порттьерами. Позже стало известно, что в этой студии были скрытые оконца для подсматривания. Эвелин не смогла устоять перед соблазном и уединилась в студии. Неожиданно она потеряла сознание и очнулась несколько часов спустя, в одной постели с Уайтом.

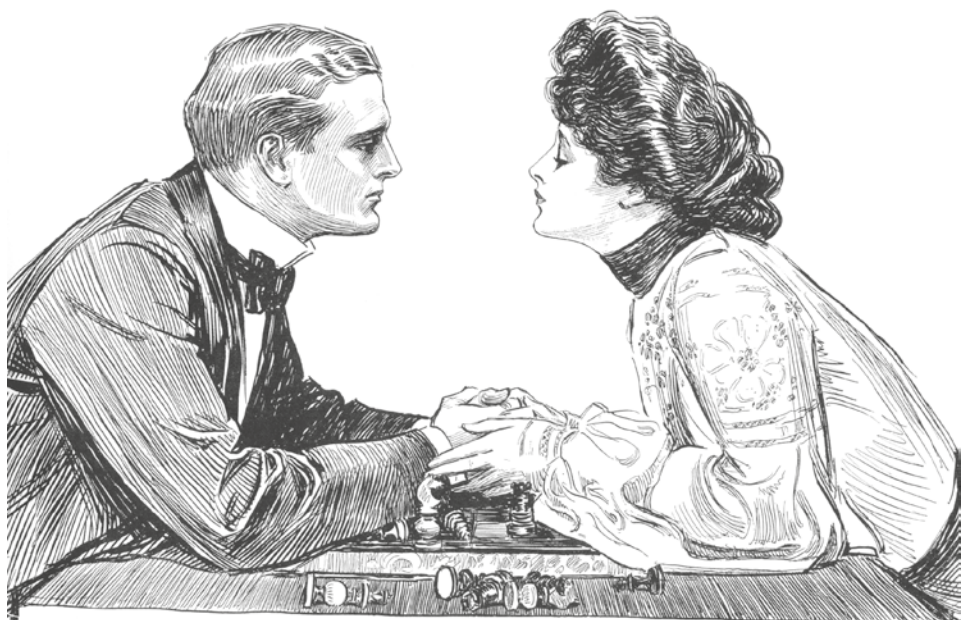
Разразился ужасный скандал, началось следствие. В газеты просочилось признание семнадцатилетней девушки, что «она вошла в ту комнату девственности», – и на этом ее признание прерывалось рыданиями.

Уайт сделал все возможное, чтобы дело не дошло до суда. Он предложил Эвелин руку и сердце. Она отказалась. Вероятно, он выплатил отступные, и девушка воздержалась от судебного иска. Дело замяли. Уайт переключился на других девушек, но ему как будто доставляло садистское удовольствие постоянно оказываться в поле зрения Эвелин.

Через четыре года Эвелин познакомилась с Гарри Тау, сыном железнодорожного магната, вскоре они поженились. Но мучительное воспоминание не оставляло Эвелин, вместе с ней переживал и Гарри. Он был человеком неуравновешенным, принимал кокаин, в приступе бешенства, бывало, вымещал гнев и на жене. Уайта он называл «животным» и много раз грозился убить его.

Чарльз Гибсон за работой

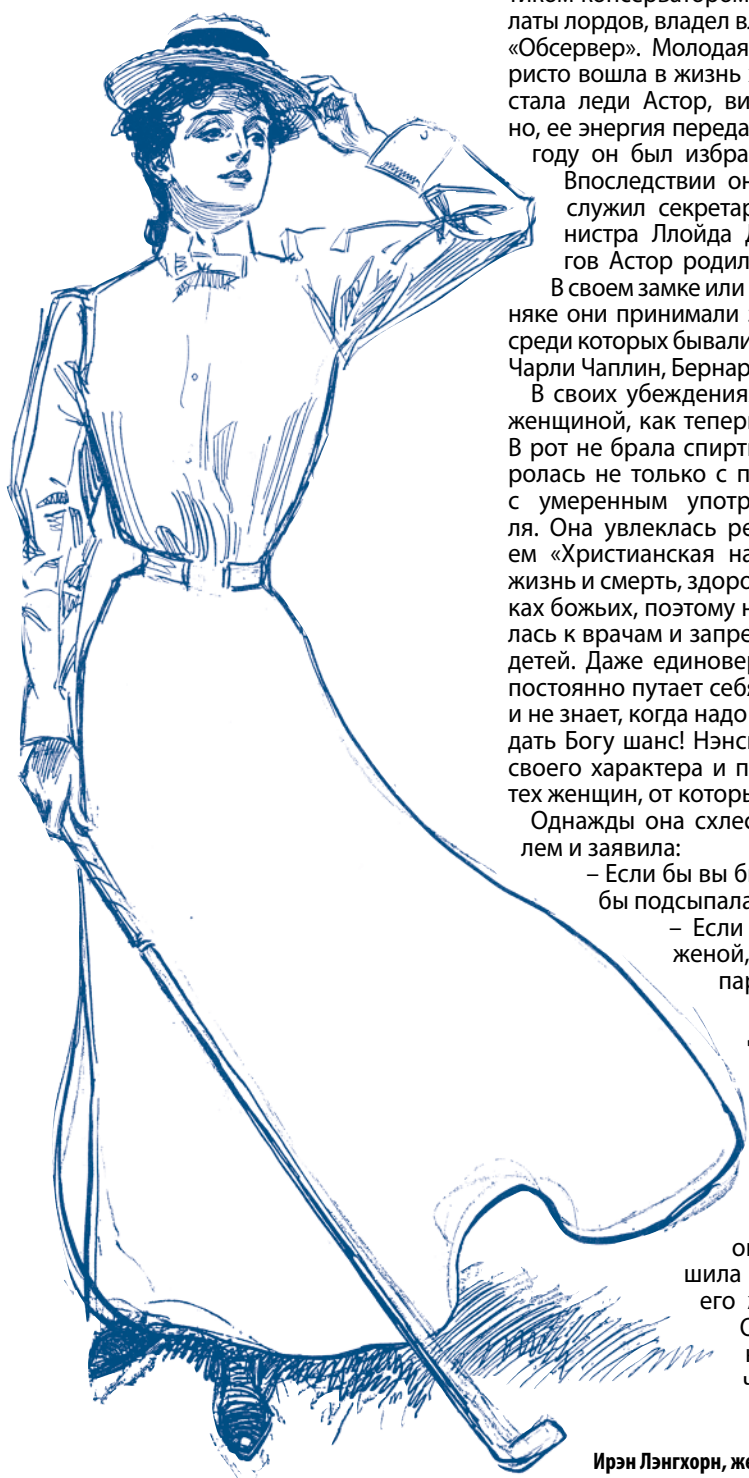

Однажды вечером Эвелин и Гарри ужинали в ресторане, когда туда пришел Уайт с юной спутницей. Он с многозначительной улыбкой кивнул Эвелин. Ужин был испорчен, супруги отправились на премьеру нового ревю. Вездесущий Уайт оказался тут же. Со сцены зазвучала песенка «Я мог любить миллион девчонок». При этих словах Гарри быстро подошел к Уайту и выкрикнул:

– Вы разрушили нашу жизнь, мою и моей жены!

Он выхватил револьвер и трижды выстрелил в лицо Уайта.

Вся Америка была потрясена. Адвокатам удалось доказать, что Гарри Тау совершил убийство в припадке безумия. Он получил сравнительно небольшой срок, который отбывал в психиатрической больнице. Но и оттуда он дважды пытался бежать, один раз даже добрался до Канады, но был выдан по требованию американских властей.

Ирэн Лэнгхорн, жена художника, его муза и постоянная модель

Эвелин Несбит получила развод. Впоследствии она еще раз была замужем, опять неудачно, но хотя бы без скандалов и убийств. Она выступала на сцене, снималась в ранних голливудских фильмах. В 1950-е годы ее приглашали в качестве консультанта на съемки фильмов о «прекрасной эпохе». Одно время она пристрастилась к морфию, пыталась даже свести счеты с жизнью, но сумела преодолеть пагубные привычки. Эвелин Несбит дожила до глубокой старости и скончалась в 1967 году в частной клинике в Санта-Монике.

Леди, которая поставила в тупик Сталина

Совсем иначе сложилась судьба другой модели Чарльза Гибсона – его свояченицы Нэнси Лэнгхорн. В 1906 году в Лондоне Нэнси познакомилась с виконтом Уолдорфом Астором. Этот небогатый аристократ был, можно сказать, потомственным политиком-консерваторм – его отец, член палаты лордов, владел влиятельной газетой «Обсервер». Молодая американка напористо вошла в жизнь холостяка и вскоре стала леди Астор, виконтессой. Вероятно, ее энергия передалась мужу, и в 1910 году он был избран в палату общин.

Впоследствии он некоторое время служил секретарем у премьер-министра Ллойда Джорджа. У супругов Астор родилось четверо детей. В своем замке или в лондонском особняке они принимали знаменитых гостей, среди которых бывали Уинстон Черчилль, Чарли Чаплин, Бернард Шоу.

В своих убеждениях леди Астор была женщиной, как теперь говорят, упертой. В рот не брала спиртного и яростно боролась не только с пьянством, но даже с умеренным употреблением алкоголя. Она увлеклась религиозным учением «Христианская наука», считала, что жизнь и смерть, здоровье и болезнь в руках божьих, поэтому никогда не обращалась к врачам и запрещала лечить своих детей. Даже единоверцы говорили: она постоянно путает себя с Господом Богом и не знает, когда надо отойти в сторону и дать Богу шанс! Нэнси сама страдала от своего характера и признавалась: «Я из тех женщин, от которых я бы сбежала».

Однажды она схлестнулась с Черчиллем и заявила:

– Если бы вы были моим мужем, я бы подсыпала вам в кофе яду!

– Если бы вы были моей женой, я бы его выпил! – парировал тот.

После смерти лорда Астора его сын Уолдорф унаследовал титул пэра и место в палате лордов. И тогда на его освободившееся место в палате общин от округа Плимут решила баллотироваться его жена-американка. Она сражалась с конкурентами отчаянно, иногда до-

ходила до откровенной грубости, но никогда не извинялась.

– Я из Вирджинии, – говорила она, – мы стреляем, чтобы убивать!

И она победила. Впервые в истории Великобритании женщина была избрана в парламент!

В 1931 году советское правительство пригласило Бернарда Шоу как «прогрессивного писателя» посетить СССР. Драматург позвал с собой супругов Астор. Для именитых англичан подготовили парадную программу: посещение передовых предприятий, пионерлагерей, музеев, Большого театра. А в заключение – аудиенция у Сталина в Кремле. Бернард Шоу от лица всех выразил восхищение успехами Страны Советов. Вдруг леди Астор спросила Сталина:

– Почему вы убиваете так много своих сограждан?

Повисла зловещая пауза. Наркоминдел Литвинов покрылся испариной. Переводчик мучительно подбирал слова, чтобы смягчить вопрос. Сталин догадался и потребовал, чтобы вопрос дамы перевели дословно. Затем, без тени смущения, вождь и отец сказал:

– В нашей стране идет борьба с нарушителями Конституции. Мир наступит, когда нарушения прекратятся.

Бернард Шоу, спасая ситуацию, опять заговорил об успехах, о грандиозном пятилетнем плане... На том встреча и закончилась. Леди Астор чувствовала себя победительницей. А Сталин впервые не смог уничтожить своего врага.

Надвигалась новая мировая война. Леди Астор примкнула к «умиротворителям» Гитлера. Она считала, что только Гитлер может сокрушить коммунизм, а заодно решить «еврейский вопрос» – она не скрывала своих антисемитских и расистских взглядов. Уже в ходе войны она резко критиковала действия англо-американских войск в Европе, вызывая неудовольствие избирателей и гнев военных. В 1945 году ей пришлось навсегда уйти из политики.

Ее муж скончался в 1952 году, Нэнси пережила его на двенадцать лет. Перед самой смертью она открыла глаза, обвела взглядом собравшихся родственников и спросила:

– Это мой день рождения или я умираю?

Гибсон без «девушек»

В жизни не все так красиво, как на картинке. Легкое перо художника не сравнится с тяжелым почерком судьбы.

Первая мировая война грубо прервала «прекрасную эпоху». Забылись и «девушки Гибсона». Все изменилось – мода, силуэт, сама женщина. Война отменила корсет; застежки и пуговицы переместились со спины на грудь – женщине необходимо было одеваться самостоятельно, особенно где-нибудь в походном лазарете, тем более на военной службе. Женщины в тылу тоже чувствовали себя отчасти мобилизованными. Высокие прически сменились более простыми, все чаще женщины решались на короткие стрижки. Возникла мода на белые ленты на голове – намек на повязки раненых, знак сострадания и единения с воинами. Такие ленты-повязки носили даже дочери российского императора.

Время «девушек Гибсона» прошло. Но сам он был очень значительным худож-

Одна из «девушек Гибсона», Эвелин Несбит, позировавшая художнику для работы «Вечный вопрос»

ником-графиком и остался бы таким в истории даже без своих «девушек». Ну, не таким знаменитым и состоятельным, конечно. Это не значит, что он отнесся к своему прелестным созданиям, как к чему-то второстепенному. Он создавал их, можно сказать, любовно. Но, вероятно, после двадцати с лишним лет «совместной жизни» автор и его творения слегка охладели друг к другу. Поэтому расставание прошло без слез и взаимных упреков.

Гибсон не мог или не хотел менять ни технику рисунка, ни творческую манеру, подлаживаться к новым возможностям печати. Пусть это делают другие. Он стал редактором и совладельцем журнала «Лайф». В 1918 году, после смерти основателя журнала Джона Митчелла, художник сделался единоличным хозяином и руководителем «Лайфа».

В 1936 году Гибсон окончательно отошел от дел. Он с любимой Ирэн поселился на собственном острове недалеко от побережья штата Мэн. Там художник писал картины маслом для собственного удовольствия. Иногда к Гибсонам приезжали погостить друзья. Хозяин угощал их коктейлем мартини собственного изобретения: с маринованным луком вместо традиционных оливок и цедры лимона.

Чарльз Дана Гибсон умер в 1944 году. Ирэн, его первая девушка во всех смыслах слова, пережила его на десять лет.

Талантливый человек талантлив во всем. Оригинальный рецепт коктейля разлетелся по всей Америке. Кое-где в барах и сейчас можно услышать:

– Бармен, мартини Гибсона, пожалуйста!

Так мужчины поминают знаменитого соотечественника.

А женщины всегда будут помнить и любить бессмертных «девушек Гибсона».

Фото из архива автора

■ Артур КЕСТЛЕР

Публикация 2000 года

Впервые эссе о Ганди было опубликовано в 1969 году в Sunday Times. Признаюсь, что я взялся за перевод эссе не без задней мысли. Конечно, мне симпатичен критический ум Кестлера. Но мне хочется, чтобы читатель познакомился не только с Кестлером-публицистом, обогащаясь по ходу дела фактами истории Индии, но и задумался над вопросом: «Почему с нами происходит именно то, что с нами происходит?»

О. Севастьянов

«Н едешево обходится содержать Бапу в бедности...» «Бапу» означает «отец» на гуджерати, и именно так, с уважением и любовью, величала Ганди вся Индия. Это дерзкое замечание принадлежит Сарод-жини Найдю – поэтессе, политику и одному из ближайших друзей Бапу (иногда она называла его Микки Маусом), но в те времена она едва ли могла предвидеть поистине пророческий смысл своих слов. Тогда они относились к ее собственным усилиям по сбору денег для развернутой Ганди кампании за домотканую материю хади. Как и все его крестовые походы, эта кампания должна была служить как практическим, так и идеологическим целям. Ее практическим аспектом был бойкот иностранных товаров, в первую очередь продукции английской текстильной промышленности. Бойкот сопровождался фантастической надеждой: экономические проблемы Индии можно решить, вернувшись к прялке. В то же время прялка превратилась в магический символ возврата к Простой Жизни и протеста против индустриализации.

«Зов прялки благороден, – писал Ганди в «Молодой Индии». – Ибо это – зов любви... Прялка – целительный глоток для миллионов наших погибающих соотечественников. Я утверждаю, что, потеряв прялку, мы потеряли свое левое плечо. И поэтому мы сейчас страдаем от прогрессирующей чахотки. Возвращение к прялке остановит поразившую нас болезнь...»

Эта навязчивая идея оказывала на него особенно сильное влияние в конце двадцатых годов, между двумя тюремными заключениями. Эта идея распространилась между его последователями, постепенно превращаясь в моду, культ, таинство. Ганди придумал национальный флаг Индии, в центр которого поместили прялку. Ганди убедил Национальный конгресс обязать всех своих членов: заниматься ткацким делом и платить членские взносы домотканой материей. Должностные лица должны были ежемесячно сдавать 2000 ярдов ткани. Встречаясь на заседаниях конгресса, закаленные политики внимательно дебатам и одновременно работали на переносных прялках – совсем как женщины, вязавшие на собраниях революционного конвента. В школах появились курсы ткацкого дела, белая материя и белый головной убор стали униформой индийского патриота. Неру называл ее «ливреей свободы», а Ганди воспеив прялку как «святыню миллионов» и «врата к моему духовному спасению». Одновременно Ганди организовал публичные сожжения импортной ткани, бросил в костер любимое сари своей жены и был арестован.

Одним из немногих индийских интеллектуалов, осмелившихся выступить против мистификации хади, был поэт Рабиндранат Тагор, лауреат Нобелевской премии. Всю жизнь Тагор восхищался Ганди, хорошо понимая как его величие, так и его эксцентричность. Похоже, что Тагору удалось интуитивно понять основную ошибку Ганди. В 1921 году, после длительного отсутствия, Тагор вернулся в Индию, исполненный надежд «вдохнуть животный воздух национального пробуждения» и... ужаснулся увиденному.

«То, что я увидел по прибытии в Калькутту, привело меня в уныние. В стране царил гнетущая атмосфера... Одна газета опрометчиво рискнула осторожно усомниться в целесообразности сожжения импортной ткани. На следующий день на редактора обрушилось возмущение читателей. Сколько нужно времени, чтобы огонь от костров с горящей материей перекинулся на его газету?..

Махатма Ганди:

ПОЧЕМУ С НАМИ ПРОИСХОДИТ ИМЕННО ТО, ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ?

Нам приказали сжигать импортную материю. Я не могу подчиниться... Когда Махатма Ганди призывает к войне против тирании машин, мы все выступаем под его знаменами. Но мы должны отказаться от мистического рабского мышления – источника нашей бедности и униженности, от которых стонет вся страна.

Тагор почуял неладное в мистике, окружавшей хади. Бойкот английского текстиля мог быть оправдан как экономическая мера в борьбе за независимость. Но это не относится к товарам других стран, и называть всю зарубежную ткань, «нечистой» – значит апеллировать к мистике. Если бы даже отказ от импорта и производство собственного текстиля и давали преимущества индийской экономике, все равно оставался бы открытым вопрос о целесообразности возврата к устаревшим производственным технологиям. Даже если бы такой возврат был желателен во имя идеалов Простой Жизни. Однако эту проблему обошли стороной, назвав прялку «святыней» и «вратами к спасению».

В своем ответе Тагору Ганди пошел еще дальше. Если бы мы не знали, что в основе алогичного мышления лежат благие намерения, можно было бы подозревать во всем этом ханжескую демагогию. Так вот, отрицая обвинения Тагора в мистификации культа хади, Ганди писал: «Я вновь и вновь обращался к своему разуму и пришел к выводу: если уж страна поверила в прялку как источник благополучия, она сделала это после тщательного обдумывания... Я действительно прошу поэта обращаться с прялкой как со святыней... Именно голод является тем аргументом, который подталкивает к ней нашу страну... Наша страсть к импортной одежде лишила прялку ее заслуженной роли. Потому я считаю греховным носить такую материю... Зная, искушающий меня порок, я должен предать импортные одежды пламени и очистить себя, удовлетворившись грубой хади, сотканной моими соседями. Зная, что соседи мои, прекратив трудиться, не могут взять в руки прялку, я должен взять ее сам и сделать ее популярной».

Хади и вправду сделалась модным культом среди ашрамитов и активных членов конгресса, но никогда среди безымянных миллионов, которым предназначалась. Попытка перевести полуголодные массы селян на самообеспечение, используя прялку, этот «источник процветания», неизбежно обернулась крахом. Прялка проникла на национальный флаг, но не в крестьянские хижины.

Несколько лет назад один из членов парламента с тоской признавался мне: «Да, как видите, я ношу хади. Многие в конгрессе считают, что это нужно. Ткань стоит в три раза дороже обычного хлопка».

Потребовалось много денег и еще больше идеализма и энергии, чтобы «содержать Бапу в бедности». Невозможно рассматривать кампанию в пользу хади как безобидный каприз. Напротив, колесо прялки, выступившее в роли экономической панацеи и спасительного решения, стало центральным символом философии социальной политики Ганди.

Свою первую книгу «Хинд Сварай, или Индийский гомруль» Ганди написал в 1909 году, когда ему было сорок лет. Он уже достиг международного признания как лидер индийской общины в Южной Африке и инициатор массового ненасильственного движения против режима. В 1921 книга была переиздана с новым авторским предисловием, в котором Ганди писал: «Я ничего не изменил в ней». В 1938 году он попросил, чтобы новое издание вышло по номинальной, доступной всем цене, и написал другое предисловие, где подтвердил еще раз: «За прошедшие тридцать бурных лет я не нашел ничего, что побудило бы меня

изменить мои советы». Таким образом, «Хинд Сварай» можно рассматривать как авторитетный источник мировоззрения, которого Ганди придерживался до конца своей жизни. Эта книга превозносит достоинства индийской цивилизации и одновременно страстно осуждает культуру Запада.

Отрицание Ганди европейской культуры во всех ее проявлениях было глубоко эмоциональным и основывалось на доводах, граничивших с абсурдом. Главными воплощениями зла на Западе он считал железные дороги, больницы и судей.

«Природа человека ограничивает его передвижения теми возможностями, которые дают ему его руки и ноги. Если бы люди не носились с места на место на поездах и других утомительных машинах, то большей части возникающего при этом беспорядка удалось бы избежать... Бог установил предел тяге человека к движению, сконструировав его тело определенным способом».

Не лучше железных дорог Ганди оценивал и судей: «Люди были бы более мужественными, если бы решали споры дракой или прибегая к советам родственников. Когда люди стали обращаться в суд, то предательство и трусость расцвели среди них. Решать спор дракой – признак дикости. Не меньшая дикость – просить третью сторону разрешить спор между мной и тобой. Только заинтересованные стороны знают, кто прав, и поэтому решать должны они».

Не следует забывать, что первый шаг в большую политику Ганди сделал, будучи адвокатом в Претории и успешно выиграв судебный процесс, а его победа в переговорах с англичанами объясняется не только харизмой «голового факира» (так называл Ганди Черчилль), но и проницательностью образованного юриста. По мнению Ганди, больницы были самым главным злом цивилизации. «Как возникает болезнь? Без сомнения, из-за нашей халатности и неумеренности. Я передеаю, у меня расстройство желудка, я иду к врачу, он дает мне лекарство. Я выздоравливаю. Я вновь передеаю и вновь принимаю таблетки. Если бы я не принимал их в первый раз, то страдал бы от заслуженного мной наказания и не стал бы передеать в другой раз... Я погрузился в порок, заболел, а доктор вылечил меня, и, скорее всего, я снова предаюсь пороку. Если бы доктор не вмешался, природа взяла бы свое и я научился бы сдерживать себя, освободился от порока и стал бы счастливым».

Больницы – институт распространения греха. Люди меньше заботятся о своем теле, при этом безнравственность растет все больше».

Когда Ганди исполнилось сорок лет, он писал в письме своему другу: «Больницы – орудие, которое дьявол использует для своих целей, удерживая власть над своим царством. Больницы увековечивают порок, несчастья, деградацию и рабство».

ЙОГ И КОМИССАР

Ганди пытался жить согласно своим убеждениям, всю свою жизнь экспериментируя с природными лекарствами и непрерывно меняя вегетарианские диеты. Однако в разное время он страдал от свища, аппендицита, малярии, глистов и дизентерии. У него было высокое давление, а когда ему перевалило за шестьдесят, он пережил два нервных расстройства. Всякий раз, серьезно заболев, он прибегал к народным средствам, отказывался от западных лекарств и хирургического вмешательства. И каждый раз он вынужден был капитулировать, соглашаясь на таблетки, инъекции и операцию под наркозом. Еще раз его принципы доказали свою несостоятельность, причем наиболее убедительным и болезненным образом. Но если его убеждение в том, что причиной болезни являются «халатность, неумеренность или порок», было в определенной степени наивным, его вера во власть духа над плотью помогла ему пережить поистине героические посты.

О школах и образовании Ганди отзывался так же презрительно, как и о больницах, железных дорогах и судьях.

Ганди пытался следовать своим принципам и не отдал детей в школу. Он намеревался учить их сам, но для этого у него не нашлось времени. Дети не смогли приобрести профессию.

Любопытно, что враждебность Ганди к интеллектуалам с английским образованием, которые «поработили Индию», не помешала ему назначить в качестве своего политического преемника молодого Джавахарлала Неру, выпускника Херроу и Кембриджа. Если западная цивилизация была для Индии ядом, то Ганди, получается, провозгласил своим наследником порядочного отравителя.

Начиная с тридцатилетнего возраста и до конца жизни в сознании Ганди доминировали две навязчивые идеи: сатьяграха и брахмахарья. Первое понятие означает ненасильственное сопротивление, а второе – воздержание от половой жизни. Оба понятия, как мы увидим, имели для Ганди глубокий духовный смысл. Они были неразрывно связаны в его учении, но еще более причудливо – в его личной жизни. Примечательно, что именно в 1906 году, в возрасте тридцати семи лет, он дал обет воздержания и одновременно предпринял свою первую кампанию ненасильственной борьбы.

Отрицательное отношение Ганди к сексу напоминало позицию Толстого и частично вдохновлялось им, однако было более непримиримым и озадачивающим. В какой-то мере это отношение можно объяснить известным эпизодом, который Ганди приводит в своей автобиографии: отец Ганди умер в то время, когда он сам занимался любовью со своей женой. Тогда Ганди было шестнадцать лет (женился он в четырнадцать), и, как обычно, он провел тот вечер, ухаживая за больным отцом. Затем его сменил его дядя. Не было ничего неестественного в том, чтобы после этого присоединиться к своей молодой жене. Однако через несколько минут в дверь их комнаты постучал слуга и сообщил о смерти отца, которой, естественно, никто не ожидал. *«Стыд за свое плотское желание, возникшее в час смерти отца, долгое время терзал мою совесть... Мне понадобилось много времени, чтобы освободиться от уз похоти. Пришлось пройти много испытаний, прежде чем я научился сдерживать ее».*

Можно только предполагать, как данный эпизод подействовал на отношение Ганди к сексу. Тем не менее известно, как его отношение повлияло на его собственных сыновей. Он отказался послать их в школу, потому что хотел слепить их по своему образу и подобию, и поскольку сам он отрекся от секса, то хотел, чтобы от него отказались и они. Когда старший сын Харилал пожелал жениться в восемнадцать лет, Ганди не дал на то разрешения и «на время» отрекся от него. Тем не менее, у Харилала хватило

смелости жениться – он достиг определенной независимости от отца, так как жил с родственниками в Индии, тогда как Ганди все еще находился в Южной Африке. Когда в 1918 году от эпидемии гриппа умерла его жена, Харилал, которому было уже тридцать, вновь обратился за разрешением к отцу, но тот опять запретил ему жениться. С этого момента Харилал стал деградировать. Он превратился в алкоголика, связался с проститутками, перешел в мусульманскую веру и под псевдонимом «Абдулла» опубликовал критику в адрес своего отца. Когда он оказался замешанным в сомнительных сделках, судебный поверенный отправил Ганди жалобу. Ганди опубликовал это письмо в газете «Молодая Индия» (18 июня 1925 г.) вместе с ответом, в котором публично осуждал Харилала.

Отец и сын вряд ли встречались еще. Будучи при смерти, жена Ганди, Кастурбаи, захотела увидеть своего первенца. Харилал пришел пьяный, и его пришлось удалить, «она рыдала и била себя в лоб». Он также присутствовал при кремации Ганди. Хотя по традиции зачечь погребальный костер отца обязан старший сын, Харилал все время находился где-то на заднем плане. Месяц спустя он умер в больнице от туберкулеза. Его имя редко упоминается в литературе, посвященной Ганди.

Оценка судьбы Харилала может представлять определенные трудности, чего нельзя сказать о жизненном пути второго сына, Манилала, который до конца своих дней любил отца и был предан ему. Тем не менее обращение с ним со стороны Ганди было столь же бесчеловечным, другого слова здесь не подберешь. Когда ему было двадцать лет, Манилал совершил непростительный грех – перестал быть девственником. Как только Ганди узнал об этом, он устроил сцену, объявил пост покаяния и пообещал, что никогда не позволит сыну жениться. Он даже убедил «виноватую» в этом женщину сбрить свои волосы. Целых пятнадцать лет прошло, прежде чем Ганди смилиостивился и позволил Манилалу жениться (к тому времени ему исполнилось тридцать пять). Но все это время младшему сыну запрещалось появляться перед глазами Ганди, ибо он одолжил – из собственных сбережений – некоторую сумму денег впадшему в немилость Харилалу. Когда Ганди узнал об этом, он вновь устроил сцену, обви-

не могли сбросить этого джинна в обличье старика со своих плеч. *«Когда был зачат Харилал, я был рабом страсти, – обычно говорил Ганди. – И пока Харилал был ребенком, я вел роскошную жизнь и не воздерживался от плотских вожделений».* Совершенно очевидно, что Ганди искупал собственные грехи, отыгрываясь на сыновьях. Запрещая им жениться, он пытался лишить их права быть мужчинами, ибо был убежден, что имеет на то все основания. Ведь сам-то он добровольно отрекся от такого права. Их преступление, которого он не мог им простить, заключалось в отказе следовать благородному примеру брахмахарьи.

Это становится еще очевидней, если мы сравним, как он относился к собственным сыновьям и к молодому племяннику Маганлалу. *«Маганлал для меня дороже того, кого называют сыном по праву рождения»*, – писал Ганди брату. И если собственным сыновьям запрещалось посещать школу, то Маганлала (и еще одного племянника), Ганди послал учиться в Англию. Почему? Когда в возрасте сорока пяти лет Маганлал умер, Ганди объяснил это в некрологе: *«Нет больше того, кого я выбрал в качестве своего наследника. Он внимательно изучал мои духовные искания и следовал им, и, когда я задал своим последователям брахмахарью в качестве образца, он первый проникся красотой и необходимостью этого пути».*

Ганди почти всегда называет акт любви выражением «плотской похоти» и «животной страсти» мужчин, а женщинам отводит роль «жертвы» или «предмета». Конечно же, он знал, что сексуальные желания есть и у женщины, но здесь у него было довольно простое решение: *«Пусть она обратит свою любовь на все человечество, пусть забудет о том, что была и может быть объектом вожделения мужчины».* Соитие, учил он, допустимо лишь для продолжения рода; вовлеченность же в «удовлетворение плоти» грозит «возвратом к животному».

Соответственно он отвергал и контроль над рождаемостью, даже в тех границах, которые считаются приемлемыми католической церковью. Когда доктор Маргарет Сэнгер, пионер семейного планирования, посетила Ганди в 1936 году, разговор зашел о катастрофических последствиях демографического взрыва, коснувшегося и Индии. Сэнгер просила Ганди о помощи:

Сексуальное воздержание может дать духовные плоды в общинах монахов или монахинь, живущих отдельно от представителей противоположного пола и тщательно укрытых от соблазна.

нив Манилала в нечестности: сбережения ашрамитов, заявил Ганди, являются собственностью ашрама. Манилал отправился в ссылку. Ему было предписано стать учеником ткача и запрещалось использовать имя Ганди. «Кроме, этого, – рассказывал Манилал Луи Фишеру, – отец собирался объявить пост, но я всю ночь умолял его не делать этого, и в конце мои мольбы были услышаны. Когда я уезжал, моя дорогая мать и брат Девадас плакали...» Если не считать кратких визитов, Манилал оставался изгнанником до конца жизни отца.

Вообще-то отношение Ганди к сыновьям следует рассматривать в контексте традиционной индуистской семьи, в которой отец осуществляет безраздельное господство над ее членами. Выступить против его приказов неммыслимо: пока Бапу жив, сыновья не считаются взрослыми. Но даже на этом фоне безжалостная тирания Ганди была исключительной. Он оседлал их, как джинн из арабской сказки, и юные жертвы

«Для тысяч и миллионов ваши слова – слова святого». Однако в течение всей беседы «он обращал внимание только на свои мысли, и, как только ты останавливался, он, вновь возвращаясь к ним – как если бы совсем не слушал тебя... Несмотря на все утверждения о своей открытости, он гордился неизменностью своих суждений... Он порицал свое прошлое – в молодости он желал свою жену – и относил все половые связи к унижающим человеческое достоинство, хотя и необходимым для рождения потомства. Он соглашался с тем, что в семье должно быть не более трех-четырёх детей, он настаивал на том, что за время совместной жизни супруги должны вступать в интимные отношения не больше трех-четырёх раз». В качестве решения демографической проблемы Индии данный совет, пожалуй, столь же реалистичен, как и призыв вернуться к прялке. И все же эта точка зрения глубоко укоренилась в религиозном мировоззрении Ганди.

Если в политике Ганди постоянно стремился к компромиссу, то в вопросах, касавшихся брахмахарьи, он год от года становился все фанатичнее. Он использовал свое влияние, чтобы убедить женщин принять обет воздержания (не забывая об отношении к этому их мужей), расстроил несколько свадеб, а в ряде случаев сделал людей на долгое время несчастными (среди таких жертв оказался, к сожалению, и его близкий друг). Можно сказать, что своими чарами он возвращал женщин на путь девственности.

Последствия этого описывает один из близких сотрудников Ганди, профессор Нирмал Кумар Бозе – один из немногих, кто осмелился поговорить с Ганди на эту тему откровенно: «Когда в нормальной жизни женщины любят мужчин, – заявил он Ганди, – то частично их психологический голод удовлетворяется благодаря физическому общению. Но, когда женщины выражают свою любовь к вам, такого удовлетворения нет, и в результате, попадая под влияние вашей личности, их ум слегка извращается. Разумеется, все мы в большей или меньшей мере страдаем невротами. Однако вы, безусловно, оказываете опасное влияние на некоторых из ваших близких, будь то мужчины или женщины».

Сексуальное воздержание может дать духовные плоды в общинах монахов или монахинь, живущих отдельно от представителей противоположного пола и тщательно укрытых от соблазна. Однако Ганди выбрал для себя особый, тяжкий путь к брахмахарье. Необходимо, чувствовал он, подвергнуть себя искушению, дабы удостовериться в своем совершенстве, достигнув на пути умерщвления плоти. Он относился к подобным проверкам – а они продолжались до конца его жизни – как к открытию, еще одному «эксперименту с Истиной» (именно так он и писал в автобиографии). Попыты начались на собственной жене после того, как он принял обет воздержания, а затем продолжились на других женщинах, помоложе. Оправдывая свою практику, он писал в письме Бозе: *«Меня поражает ваш довод, будто бы мой эксперимент унижает достоинство женщины. Так было бы, если бы я смотрел на нее с похотью или желал бы чего-то без ее согласия. Я всегда верил в равенство мужчины и женщины. Моя жена была «ниже» меня, когда была объектом моего вожделения. Она перестала быть таковой с тех пор, как стала спать со мной как моя сестра, даже будучи обнаженной. И если желание не пробуждается в наших разумах и телах, то такой контакт возвышает нас обоих».*

Изменится ли что-то от того, если это будет не моя жена, а какая-то другая женщина? Я надеюсь, что вы не будете

приписывать мне каких-либо низменных желаний по отношению к тем женщинам и девушкам, которым пришлось спать со мной обнаженными. Я считаю, что истерия, проявившаяся у А или Б, не имеет никакого отношения к самому эксперименту. Они и до эксперимента были такими же...

Различия между Ману и другими несущественны для нашего спора...»

Упомянутая в этом письме Ману была внучкой его кузины, последней из попыток Ганди в поиске брахмахарьи. В детстве она потеряла мать, и Кастурбаи заботилась о девочке. После смерти Кастурбаи опекуном Ману стал сам Ганди. *«Я был отцом для многих, но только для тебя я являюсь матерью»*, – писал он ей. Как это ни странно звучит, но он хотел, чтобы она понимала эти слова буквально (настойко, что позже сама написала книгу «Бапу: моя мать»). «Будучи цветущей восемнадцатилетней девушкой» (слова Ганди), она утверждала, что свободна от

► сексуальных желаний. Тем не менее, как пишет Пиарелал в биографии, у Ганди появилось тяжелое предчувствие, что либо она сама себя не знает, либо же обманывает себя и других. Как «мать» Ганди должен был знать, что девочки часто скрывают свои истинные чувства от отцов, но не от матерей. Ганди заявляет, что является для нее матерью, а она сама подтверждает это. Если бы можно было как-то проверить ее правдивость, то тогда можно было бы разрешить беспокоившую его проблему. Между прочим, это позволило бы ему еще и узнать, насколько он продвинулся по пути к совершенной брахмахарье, полному отсутствию половых желаний... Он делал для нее все, что обычно мать делает для своей дочери: следил за образованием, пищей, платьем, отдыхом и сном. Даже укладывал ее спать с собой. Если в своих помыслах девочка абсолютно чиста, то она без смущения спит в одной постели с матерью.

Парфразируя Сароджини Найду, можно сказать: немало отваги требуется для того, чтобы содержать Бапу в состоянии девственности.

По-видимому, Ману не испытывала какого-либо смущения. Она возвращала Ганди его заботу, ухаживая за ним во время болезни или поста. В своем дневнике в промежутках между описанием политических событий она сообщает, как ставила ему клизму или как, сидя в ванной, Ганди делал ей замечания: «*Купаясь, Бапу произнес эти слова с большим чувством и погладил мою спину*». Впрочем, учитывая, что в Индии, и особенно среди ашрамитов, личная жизнь не скрыта от глаз постороннего, подобный обмен интимностями может иметь совершенно невинный характер. Для Ганди это был решающий эксперимент. Если бы он удался, «это доказало бы, что его поиск истины увенчался успехом. Его искренность произвела бы тогда впечатление и на мусульман...». Эти слова выделены преданным Пиарелалом, которому лучше других современников были знакомы мысли своего учителя. Ганди искренне верил в то, что является орудием в руках Господа, «подсказывающего, как вести себя в той или иной ситуации». Однако инструмент Господа должен быть чист и свободен от плотского вожделения. Чтобы обрести такую свободу, нужно было пройти испытание брахмахарьей. Оно «устанавливало его связь с Бесконечным» и в то же время было призвано решить политические вопросы: положить конец конфликтам между индусами и мусульманами, убедить Мусульманскую Лигу в его искренности и этим заставить ее отказаться от идеи провозглашения независимого Пакистана.

По мнению Махатмы, все это имело свою логику. С его точки зрения, его общественная и политическая деятельность и его эксперимент с истиной были взаимосвязаны: сатьяграха и брахмахарья подразумевали друг друга. Ибо сатьяграха означает не только ненасильственные действия, но и действия, вызываемые непоколебимой силой истины (сат – истина, аграха – твердость). На той стадии самосовершенствования, которой он достиг в результате двухлетних исканий, все зависело от решающего эксперимента с Ману. Именно этим можно объяснить его упорное желание продолжать опыты с Ману, несмотря на многочисленные предостережения.

Это также объясняет, почему в драматический для Индии период июня – июля 1947 года Ганди решил благодетельствовать индийскую общественность серией из шести статей, которые были посвящены брахмахарье. Он отправился в турне по мусульманским деревням Восточной Бенгалии, пытаясь предотвратить мятежи своим личным присутствием. Большую часть времени его сопровождали только Ману, Бозе и стенографист. Многие друзья Ганди, включая самых близких, протестовали против его эксперимента с Ману (хотя они должны были знать и о предшествовавших ему), выражали свое неодобрение, а некоторые вообще покинули его. Публичного скандала удалось избежать, но Ганди ощутил недостаток привычного восхищения собой, чувствуя себя одиноким и удрученным. Ушел даже Бозе. Не сомневаясь в искренности мотивов Махатмы, он долго и напрасно пытался показать Ганди, на-

сколько пагубно сказывается его опыт на общественном мнении, как индусов, так и мусульман. Правда, несколько месяцев спустя Бозе вернулся. Появившиеся не ко времени статьи Ганди в «Хариджан» стали его ответом диссидентам и привели публику в состояние шока.

Ганди написал также Ахарье Крипалани, президенту Национального конгресса: «*Это очень личное письмо, но не сугубо конфиденциальное... Ману Ганди, моя внучка... делит со мной ложе... Это стоило мне ближайших друзей... Я глубоко обдумал все. Весь мир может отвергнуть меня, но я не откажусь от того, что является для меня истиной... Я и раньше был готов к потерям. Пусть будет так, если это должно произойти*». Ганди просил Ахарью обсудить этот вопрос с другими политиками конгресса – в разгар переговоров о независимости.

Я подробно остановился на борьбе Ганди за свою девственность по двум причинам: во-первых, это борьба позволяет нам лучше понять личность, и, во-вторых, данный феномен стал частью наследия Ганди, которое длительное время оказывало влияние на социальный и культурный климат страны.

Однако после смерти Ганди индийский истеблишмент попытался скрыть правду о его последнем эксперименте с истиной. Об этом свидетельствует заговор молчания вокруг книги Нирмала Кумара

Ганди и Кастурбаи, 1902 год

Бозе «Мои дни с Ганди», которую я неоднократно цитировал. Профессор Бозе, выдающийся антрополог и специалист по философии Ганди, ранее написал две книги «Исследования гандизма» и «Избранные работы Ганди». Бозе сопровождал Махатму в его путешествии по Восточной Бенгалии, а в книге «Мои дни с Ганди» посвятил главу тому влиянию, которое оказал на общество опыт с Ману (не углубляясь в детали самого эксперимента). Это – выдержанная работа, проникнутая любовью и уважением к Ганди, и тем не менее она не только была отвергнута всеми издательствами, но при этом высшие эшелоны власти приложили все усилия для того, чтобы она вообще не была опубликована.

Через пять лет после смерти Ганди Бозе решил издать книгу сам. Ее невозможно достать в Индии, а один из последних биографов Ганди, Джеффри Эш, заметил: «Все давно уже знают, что один из важнейших источников старательно замалчивается. Мне самому с трудом удалось отыскать книгу, которая в Англии существует, возможно, в одном экземпляре». Моя собственная книга в которой я ссылаюсь на Бозе, также была запрещена в Индии на том основании, что в ней содержатся «неуважительные замечания в адрес Ганди». (В ответ на этот запрет один индийский читатель выслал мне ксерокопию всей книги Бозе.)

Три года спустя после появления работы Бозе вышел в свет первый том монументальной биографии Ганди, принадлежавшей Пиарелалу. В нем подтверждались факты, которые упоминает Бозе (не без ссылки на него самого). В том контексте имеет смысл привести отрывок из книги «Мои дни с Ганди»: «Многие были близки Ганди и знали о

происходившем, но из страха представить его в невыгодном свете посчитали нужным не подвергать этот аспект его жизни критическому разбору. Однако автор данной работы не считает такой подход оправданным. Возможно, где-то в глубине души у нас сохранилась вера в целесообразность всего, что делал Ганди, и в явном нежелании принизить его величие мы склонны закрывать глаза на определенные факты. Но при этом мы жертвуем одним из важных свидетельств, помогающих понять эту уникальную личность нашего времени... Мы можем свидетельствовать лишь о том, чему сами были очевидцами, и описывать это с максимальной точностью... Так, чтобы, когда эпоха наша уйдет и дорогие нам ценности окажутся на свалке истории, люди могли знать все возможное о человеке, который некогда горой возвышался над своими современниками».

На Западе одержимость Ганди брахмахарьей воспринималась бы как безобидная причуда, являющаяся личным делом человека. В Индии она затрагивала древние корни национального самосознания. Проповедь девственности имеет смысл, скрытый для западного читателя, но очевидный каждому индусу. Ибо намекает на физиологическую выгоду полового воздержания. Согласно доктрине традиционной индуистской медицины «животворная сила» мужчины

снадобья, а с другой – притворную стыдливость, лицемерное восхваление идеала девственности и страх расставания с животворной жидкостью. Среди индусов боязнь утратить сперму – привычное явление, отсюда подсознательное неприятие Женщины. Индуистский пантеон не имеет Эроса и купидонов – здесь царит Кама, главный источник вожделения.

О подобном отношении к сексу говорит и одно из писем, адресованных Ганди. Корреспондент жалуется, что так и не смог возвыситься до идеала воздержания, «хотя часто повторял себе: зачем вообще использовать этот ночной горшок?» Не менее примечателен и ответ самого Ганди: «*Сравнение женщины с ночным горшком говорит только о невежестве. Сама эта мысль оскорбительна как для мужчины, так и для женщины. Разве не может сын сидеть подле своей матери или брат – подле своей сестры?*» Защищая женщину, Ганди защищал ее роль матери или сестры, но не жены, отсюда вытекает, что Ганди разделял взгляды своего корреспондента. «Все было бы хорошо, если бы женщины умели отказывать своим мужьям, – сказал он сердито Маргарет Сэнгер. – Женщин, общавшихся со мной, я научил говорить «нет» своим мужьям. Вся проблема заключается в том, что многие просто не хотят отказывать...»

Борьба с «плотским вожделением» и «животной похотью», которую он вел в течение всей жизни, публичное раскаяние в греховном сновидении, за которым последовала эпитимья шестинедельного молчания, его приверженность сохранению «животворной жидкости» превратили Ганди в живой символ индуистского отношения к сексу, пронизанного глубоким чувством вины. И это же укрепило боготворившие Махатму массы в верности стародавним традициям. В результате торговля возбуждающими средствами процветает, как и прежде, окруженная аурой ханжеского лицемерия.

Другой, правда, менее значимой чертой наследия Ганди была его одержимость вопросами диеты. Неудивительно для страны, население которой страдает от дизентерии, глистов и прочих напастей. Но для Ганди диета оказалась в первую очередь связанной опять-таки с идеей воздержания. Дав обет, он писал: «*Соблюдая обет, необходимо прежде всего следить за сохранностью неба... Пища должна быть простой, пресной и, по возможности, сырой... Шесть лет экспериментирования показали мне, что идеалом брахмахарьи являются свежие фрукты и орехи...*» Даже молоко Ганди считал возбуждающим напитком, от которого следует отказаться (это с трудом согласуется с тем, что он писал в другом месте).

Один из биографов Ганди, Луи Фишер, назвал его «уникальной личностью, великим человеком, возможно, величайшим за истекшие девятнадцать столетий». Другие сравнивали его с Христом, Буддой и св. Франциском. Причину величия видели в том, что в нашем мире, больном насилием, он призывал использовать ненасильственные методы в политической борьбе. Частичный успех его кампаний пассивного сопротивления, гражданского неповиновения, маршей безоружных против вооруженной полиции и армии, первых сидячих забастовок оказался совершенно новым словом в политике, чем-то ранее неслыханным. Это было почти откровением. И что самое удивительное, все это, кажется, сбывалось. Заслуга Ганди была не в том, что он «освободил Индию», как заявляли Джон Григг и другие, – независимость была достигнута даже раньше, без помощи Ганди, а в том, что он продемонстрировал миру: привычные силовые методы политики не являются единственно возможными, и в определенных условиях их можно заменить ненасильственными.

Однако трагедия заключалась в ограниченности предложенного метода. Эту благородную игру можно было вести только с честным партнером, принимающим общие правила. Иначе она грозила обернуться для одной стороны массовым самоубийством.

Как и все горячие сторонники новой философской системы, поначалу Ганди верил в универсальность своих методов. Первое разочарование пришло в 1919 году, во время общенациональной кам-

сконцентрирована в его семени. Его физическая и интеллектуальная сила берет свое начало в этом драгоценном выделении – своеобразном эликсире жизни. Растрата животворной жидкости влечет за собой физическое истощение и духовное обнищание. И наоборот, накопление ее запасов через воздержание приводит к усилению духовной мощи, улучшению здоровья и более длительному сроку жизни (Ганди надеялся дожить до 125 лет). Благодаря такому накоплению кожа становится гладкой и приобретает блеск, который, говорят, отличает всех святых (в их числе и Махатму). Различные секретные методики помогают удерживать жидкость даже во время полового акта.

Ганди твердо верил в традиционную медицину и сам практиковал ее. Многие отрывки из произведений свидетельствуют о том, что он также верил в значение сохранения животворной жидкости. Так, в статье «Путь к здоровью» он писал: «*Говорят, что импотент не свободен от сексуальных желаний... Но есть и другой вид импотенции, при котором половое воздержание исчезает, а половые выделения преобразуются в животворную силу. К этому надо стремиться всем*». Или вот еще: «*Способность удерживать и накапливать животворную жидкость – результат длительной тренировки. Овладение этой способностью укрепляет тело и разум. Животворную жидкость, вызывающую к жизни такое удивительное существо, как человек, можно превратить в небывалую энергию и силу, но только в том случае, когда ее умеют правильно сохранить*».

Индуизму свойственно двусмысленное отношение к сексу. С одной стороны, мы имеем эротические фигурки на храмах, «Кама Сутру» и возбуждающие

Марка советского времени с портретом Махатмы Ганди

Ганди в Южной Африке

пании гражданского неповиновения, которая выродилась в кровавые беспорядки. Ганди прекратил кампанию, объявил пост покаяния и признался в совершенной «гималайской ошибке»: акция началась преждевременно, его последователи еще недостаточно прониклись духом сатьяграхи.

На следующий год он начал акцию неповиновения совместно с мусульманами. И вновь она привела к беспорядкам, вылившимся в побоище в Чаури Чаура. И опять он прекратил кампанию и объявил пост.

Наиболее успешным было движение гражданского неповиновения в 1930–1931 годах, направленное против соляных законов и увенчавшееся живописным «маршем к морю». И на этот раз все обернулось бунтами, однако кампания продолжалась до тех пор, пока не был достигнут компромисс с вице-королем.

Результаты более поздних акций сатьяграхи (1932–1934, 1940–1941 и 1942–1943 гг.) были не слишком убедительны. Однако они произвели общее впечатление на политиков, интеллектуалов и мировое общественное мнение. Ганди превратился в живую легенду. Еще больший драматизм ситуации придали восемнадцать постов и шесть с половиной лет тюремного заключения (первое – в Йоганнесбурге, последнее – во дворце Ага Хана).

Тем не менее методы ненасильственного сопротивления отличались определенной логической непоследовательностью, и советы, которые Ганди предлагал другим нациям, зачастую оказывались безответственными по всем человеческим меркам. Хотя он без конца повторял, что использовать такое сопротивление могут ставшие на путь духовного самопознания, но с готовностью рекомендовал данный метод в качестве панацеи в самых неподходящих ситуациях.

Например, в декабре 1938 года, после первого общенационального еврейского погрома в Германии, Ганди писал: «Берусь утверждать, что если евреи обратятся к источнику духовной силы, произтекающей только из ненасильственных действий, то господин Гитлер склонит свою голову перед отвагой, которая намного превосходит храбрость его лучших штурмовиков». А в 1946 году, когда мир содрогнулся, узнав, что в газовых камерах погибли шесть миллионов, Махатма заметил: «Евреи сами должны были пойти под нож мясника. Они должны были сами прыгать со скал в море... И тогда весь мир и народ Германии восстал бы».

При оценке подобных высказываний может быть учтено лишь одно смягчающее обстоятельство: как известно, Ганди был чрезвычайно наивен в вопросах международной политики.

В начале Второй мировой войны он заявил о своей моральной поддержке дела союзников. После поражения Франции он похвалил Петена за то, что тот нашел в себе мужество сдаться. 6 июля 1940 года Ганди опубликовал «Обращение к

каждому британцу», в котором призывал их последовать примеру французов (по его настоянию это обращение было передано британскому кабинету министров вице-королем Индии): «Я не хочу, чтобы Британия потерпела поражение, как не хочу и ее победы в соревновании грубой силы. Я хочу, чтобы вы боролись с нацизмом без оружия ненасильственными методами. Я хочу, чтобы вы сложили оружие, которое оскорбляет вашу человечность. Пусть гитлер и сеньор Муссолини возьмут себе ваши территории, которые вы считаете своей собственностью. Пусть они овладеют вашим прекрасным островом с его многочисленными чудесными зданиями. Вы отдадите все, кроме своих душ и своего разума. Если эти господа решат занять ваши дома, оставьте их. Если они не дадут вам уехать, позвольте им убить вас, ваших детей и женщин, но откажитесь присягнуть вашим врагам».

Да, немало бы потребовалось трупов, чтобы восторжествовали принципы Бапу.

Аналогичные советы были у Ганди для чехов, поляков, финнов и китайцев. В последний день своей жизни, за несколько часов до покушения, он беседовал с корреспондентом журнала «Лайф», и тот задал ему вопрос: «Как бы вы остановили атомную бомбу... не прибегая к насилию?»

Ганди ответил: «Я не останусь в укрытии, а буду наверху. Пусть пилот увидит, что я не питаю зла к нему. Я знаю, что с большой высоты летчик не разглядит наших лиц. Но устремление моей души достигнет его, и глаза его откроются».

Подобно многим другим, данное утверждение создает впечатление, будто вера Ганди в ненасильственные методы борьбы была абсолютной. («Я не знаю ни одного случая, когда бы они подвели», – писал он в «Обращении к каждому британцу».) На самом же деле в ряде критических ситуаций он явно поступил собственными принципами. Так, в 1918 году он занимался набором в британскую армию. В своей речи в районе Хеда Ганди сказал: «Чтобы Индия получила статус доминиона, мы должны уметь защищать себя, т.е. уметь обращаться с оружием... А если мы этого хотим, значит, служба в армии является нашим долгом».

Три года спустя он высказал такую мысль: «Если бы мы были независимы, я не преминул бы посоветовать имеющим оружие сражаться за свою страну». Позже Ганди объяснял эту непоследовательность так: данные высказывания не предполагают сомнений в ненасильственной борьбе, но все дело в том, что «тогда я еще не нащупал своей платформы». Данное оправдание, однако, вряд ли приемлемо для двух последних лет его жизни – периода кровавых столкновений между мусульманами и индусами и боев в Кашмире, ознаменовавших окончательный крах политики ненасильственной борьбы. Совершая паломничество по деревням Восточной Бенгалии, где «все было погружено во

мрак», Ганди признался Бозе, что «на какое-то время» он отказался «от дальнейшего поиска мирных средств борьбы, доступных массам». Через несколько дней он писал: «Насилие ужасно, оно отбрасывает человечество назад, но его можно употреблять в целях самообороны». А спустя еще несколько дней вновь: «Ненасильственные методы – высший способ защиты, самый надежный».

В одной из разрушенных деревушек его посетил местный мулла, который спас несколько индусских семей, убедив их вытерпеть церемонию притворного обращения в мусульманскую веру. «Ганди сказал людям: было бы лучше, если бы духовный наставник научил их отдавать жизнь за свою веру, а не отказываться от нее из страха перед смертью. Мулла не уступал. Подобные мнимые обращения в чужую веру ради спасения жизни допускаются религией, утверждал он. Тогда Ганди потерял всякое терпение и рассерженно сказал: если я когда-нибудь увижу Бога, то спрошу у него, почему он сделал пастырем человека с подобными взглядами. Мулла замолчал и, попрощавшись, удалился».

Ганди был ярким противником раздела Индии: «Это все равно, что расчленить меня самого», – говорил он. На историческом заседании конгресса 14–15 июня 1947 года, решавшем этот вопрос, президент Ахарья Крипалани, старый друг Ганди, выступил с речью, означавшей прощание со старыми идеалами ненасильственной борьбы. Но в отличие от Марка Антония Крипалани начал с восхваления Ганди, а кончил «за упокой». Он выразил признание Ганди за его паломничество в Бенгалию и Бихар, в ходе которого тот пытался достичь соглашения между индусами и мусульманами и тем самым предотвратить раздел страны. Однако Крипалани отметил неэффективность этой попытки: «К сожалению, хотя сегодня Ганди может провозглашать политику, ее в основном осуществляют другие, а эти другие думают иначе, чем он. Именно в этих трудных условиях я поддерживаю идею раздела Индии».

К всеобщему изумлению, Ганди в своем выступлении неожиданно одобрил раздел страны: «Иногда приходится принимать определенные решения, какими бы неприятными они ни были». Через три месяца произошли столкновения в Кашмире между независимыми Индией и Пакистаном. Ганди сказал после одной из своих проповедей, что «всегда был противником любой войны. Но, если от Пакистана невозможно добиться справедливости другими средствами, если Пакистан постоянно отказывается видеть свою ошибку и стремится преуменьшить ее, Индийскому Союзу придется начать войну. Война – это не шутка. Никто не хотел войны. Это – путь разрушения. Однако Ганди не мог советовать смиряться с несправедливостью».

После своей последней поездки в Индию Кингсли Мартин писал: «Моя любовь к Ганди и понимание его величия ничуть не по-

страдали от того, что он к тому же оказался индийским националистом и несовершеннолетним учеником Махатмы». Я не совсем уверен в том, что Ганди стал бы поддерживать индийский вариант движения за одностороннее ядерное разоружение. Ганди щедро раздавал советы британцам, французам, чехам, полякам и евреям, предлагая им сложить оружие и смириться с обидками, которые намного превосходили нанесенные Индии Пакистаном. Как это случалось раньше в критических ситуациях, когда высокие идеалы сталкивались с суровой реальностью, верх брал трезвый подход. Иог уступил место Комиссару. Он верил в народную медицину и практиковал ее, но в трудные для своего здоровья моменты он всегда отдавал себя во власть медицины западной, которую так презирал. Ненасильственные методы борьбы и сатьяграху можно было рекомендовать британцам, но почему-то все это не срабатывало, когда дело касалось мусульман. Да и было ли это панацеей для человечества? За две недели до своей смерти, комментируя решение заместителя премьер-министра Пателя послать войска в Кашмир, Ганди признался Бозе: «Получив власть, Пател увидел, что не может больше успешно применять метод ненасильственной борьбы. Я сам обнаружил, что то, что я и другие раньше называли мирными способами борьбы, не было таковым, но являлось лишь, слабой копией пассивного сопротивления. Естественно, последнее не имеет ценности для правителя».

В интервью профессору Стюарту Нельсону Ганди повторил: «То, что он сам ошибочно считал сатьяграхой, оказалось всего лишь пассивным сопротивлением, оружием слабых... Далее Ганди признался, что действительно долгое время находился под властью иллюзии. Однако никогда не сожалел об этом. Он понимал, что если бы этой иллюзии не было, Индия никогда не стала бы тем, чем она является сегодня».

Но и это мнение также может быть всего лишь иллюзией. Индия получила независимость не благодаря ненасильственному сопротивлению, а потому что Империя сознательно пошла на самоликвидацию. Прялка осталась на национальном флаге, но мистика Ганди не оказала влияния на формирование нового государства, хотя постоянно претендовала на эту заслугу. Вооруженные конфликты с Пакистаном и Китаем вызвали взрыв шовинизма и массовой истерии, что говорит об отсутствии сколько-нибудь значительного влияния со стороны пацифистской идеологии.

Когда Вишоба Бхаве, духовного преемника Ганди, спросили, одобряет ли он вооруженное сопротивление агрессии Китая, то он ответил утвердительно, повторив старое оправдание Ганди, что массы еще не созрели для мирного сопротивления. Перефразируя св. Августина, мы могли бы сказать по этому поводу: «Господи, избавь нас от насилия, но только не сейчас».

Ганди сам предвидел подобное развитие событий в моменты, когда взор его не был «затуманен иллюзией». В день провозглашения независимости (15 августа 1947 г.) весь мир ждал его выступления по поводу этого исторического события. Но Ганди промолчал. Эмиссары нового правительства указали ему, что его молчание может быть плохо истолковано. Он ответил: «Если плохо, то пусть будет так...» Бозе записал в своем дневнике: «Он сказал: было время, когда Индия слушала его. Теперь он отошел на задний план. Ему сказали, что для него не нашлось места в новом механизме, где требовались машины, военно-морской флот, военно-воздушные силы и все такое. Он никогда не сможет быть частью этого».

В последнее время его массовые проповеди посещало гораздо меньше людей и речи его «уже не вызывали, как прежде, того же энтузиазма. Казалось, что его голос потерял некогда присущие ему волшебные свойства».

Завершая наш рассказ, заметим, что смиренный и в то же время героический Махатма был величайшим живым анахронизмом двадцатого века. И какой бы кощунственной ни показалась наша мысль, все же мы выскажем ее: без наследия Махатмы Ганди Индия сегодня была бы более благополучной и здравомыслящей страной.

Предисловие и перевод с английского
Олега СЕВАСТЬЯНОВА

Загробная месть Дианы

ТЕЛО ПРИНЦЕССЫ УЭЛЬСКОЙ МОЖЕТ БЫТЬ ЭКСГУМИРОВАНО И ВСКРЫТО ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОДЛИННЫХ ПРИЧИН СМЕРТИ. ЭТА НОВОСТЬ ВСКОЛЫХНУЛА БРИТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В НОЯБРЕ 2003 ГОДА, КОГДА БЫВШИЙ ДВОРЕЦКИЙ ДИАНЫ ВЫСТУПИЛ С УТВЕРЖДЕНИЕМ, ЧТО ОНА МОГЛА ПАСТЬ ЖЕРТВОЙ ЗАГОВОРА, О КОТОРОМ УЗНАЛА НЕЗАДОЛГО ДО СВОЕЙ СМЕРТИ. А НА НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА ПАЛО ПОДОЗРЕНИЕ В ГОМОСЕКСУАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2007 года

«Я в восторге... Королева пришла мне на помощь...» – на манер булгаковского Коровьева растроганно лепетал, утирая слёзы на мясистом лице, Пол Баррелл, когда выходил 1 ноября 2002 года из здания лондонского суда Old Bailey свободным человеком. Оказавшись вскоре после чудесного спасения в Нью-Йорке, он уже не плакал. В ярком галстуке, с бутоньеркой в петлице щегольского пиджака, он сиял, купаясь в лучах своей сомнительной славы. С тех пор этот маэстро грязной сплетни уже не раз удачно конвертировал свою осведомленность в бытовых тайнах английского двора.

Сын водителя грузовика, Баррелл поступил в Букингемский дворец на должность лакея в возрасте 17 лет. В 1986 году он стал работать в доме наследника престола принца Чарльза, а после официального разъезда супругов в декабре 1992 года остался в Кенсингтонском дворце у принцессы Уэльской и её детей. По словам самого Баррелла (родственники Дианы утверждают, что эта самооценка сильно преувеличена), он был ближайшим наперсником своей хозяйки: она называла его «скалой». При известии о её трагической кончине 31 августа 1997 года он немедленно вылетел в Париж, собственноручно обрядил тело в платье по своему выбору и нанес на лицо покойницы макияж – только после этого труп увидел бывший супруг Дианы. Окровавленную одежду, которая была на Диане в минуту смерти, Баррелл сжёг. Говорят, он так переживал утрату, что близкие боялись самоубийства. В ноябре того же 1997 года Елизавета II наградила Баррелла за верную службу престолу медалью королевы Виктории.

Баррелл стал членом совета Мемориального фонда Дианы Уэльской и энергично приступил к сбору средств, предназначенных на увековечение её памяти. В августе 1998 года он впервые сделал публичное заявление о своем отношении к Диане. «Не думаю, – сказал он, – что я когда-нибудь примирюсь с этой смертью. Эту пустоту ничто не заменит».

Королевская семья на праздновании дня рождения Елизаветы II в 1983 году. Вверху: принц Чарльз и леди Диана на лужайке перед Букингемским дворцом после объявления об их помолвке 24 февраля 1981 года

Однако в декабре того же года он вдруг расстался с Мемориальным фондом при обстоятельствах отчасти скандальных. Исполнительный директор фонда Эндрю Перкис заявил по этому поводу, что Барреллу больше импонирует роль шоумена. Вскоре бывший лакей и впрямь появился на Пятом канале британского телевидения в качестве комментатора сюжетов из жизни дома Виндзоров, а заодно и эксперта по кулинарным вопросам. В июне 1999 года он комментировал репортаж о бракосочетании принца Эдварда и Софи Рис-Джонс на американском телеканале ABC.

В ноябре 2000 года британские газеты сообщили, что полиция намерена допросить Баррелла относительно пропажи личных вещей принцессы Дианы. Тот заявил, что озадачен этими сообщениями. «Мне ничего об этом неизвестно», – сказал он. Однако полицию такой ответ не удовлетворил. Ранним утром 18 января 2001 года она учинила обыск в чеширском доме бывшего дворецкого и обнаружила в нём множество предметов, принадлежавших покойнице. Баррелл был арестован и доставлен в Скотланд-Ярд для допросов. После всевозможных проволочек (по слухам,

Чарльз не хотел суда над Барреллом, так как опасался, что принцам Уильяму и Гарри придётся давать показания) 14 октября 2002 года начались судебные слушания по делу о краже 310 предметов – туалетов, пошитых модными кутюрье специально для Дианы, её частной переписки, драгоценностей и фотоальбомов, в том числе негативов никогда не публиковавшихся снимков. Баррелл не признал себя виновным. Спотыкаясь на каждом шагу, процесс продолжался до 29 октября. В этот день судья Энн Рафферти распустила присяжных по домам впредь до уведомления. Уведомление

последовало спустя двое суток: обвинение отказалось продолжать процесс. Баррелл вышел на свободу, источая слезы благодарности королеве.

Её Величество припоминает...

Её Величество, оказывается, ничего не знала о суде над своим бывшим лакеем, пока сын Чарльз не рассказал ей. Это произошло за неделю до драматической развязки, когда Елизавета, её муж Филип и наследник направлялись в собор Святого Павла для участия в поминальной службе по жертвам терактов на острове Бали. Королева тотчас припомнила, что вскоре после гибели принцессы Уэльской она имела беседу с Барреллом, в ходе которой разрешила ему взять на хранение личную собственность Дианы, дабы она не попала в руки её семьи. Принц Чарльз немедленно довел воспоминание до сведения Скотланд-Ярда, а несколькими днями позже пресс-служба Букингемского дворца опубликовала соответствующее сообщение.

Выяснилось, что в своих письменных показаниях Баррелл упоминал о высочайшей аудиенции, однако содержание разговора с королевой не раскрыл. Его адвокаты утверждают, что и они вплоть до самых последних дней ничего не знали о разрешении Елизаветы: мол, их клиент молчал, будучи преданным слугой своих венценосных благодетелей. Обвинение оказалось перед сложной дилеммой. В этих обстоятельствах оно должно было вызвать в суд в качестве свидетеля Её Величество. От такой перспективы у прокурора Уильяма Бойза перехватило дыхание. Он предпочёл снять все обвинения, заявив, что «реальной перспективы добиться осуждения больше не существует».

Лояльность бывшего дворецкого оказалась небеспредельной. Вскоре после сенсационного освобождения он продал свое интервью таблоиду Daily Mirror – по слухам, за 400 тысяч фунтов (620 тысяч долларов). В этом тексте он, в частности, поведал, что свою роль в разводе Дианы и Чарльза сыграли тогдашние премьер-министр Джон Мейджор и архиепископ Кентерберийский Джордж Кэри. Канце-

лляр Мейджора заявила в этой связи, что британский премьер даёт свои советы членам королевской семьи только в том случае, если они его об этом просят, и что «любые иные предположения – чистый абсурд». Кэри через своих друзей попросил агентство AP сообщить, что его отношения с королевской семьей – его личное дело.

Баррелл отнюдь не скрывает факт получения громадного гонорара. По его словам, он должен был компенсировать убытки, причинённые ему вследствие вынужденного перерыва в работе. «Душу свою я не продавал», – заявил гордый дворецкий, прибавив, что надеется в ближайшее время вернуть реликвии Дианы её сыновьям; при этом он выразил полную уверенность, что принцы Уильям и Гарри поддерживают его так же, как их отец и бабушка.

Конкурирующие таблоиды, не сумевшие вовремя перекупить товар, ответили новыми обвинениями в адрес Баррелла. Так, например, Sun сообщила,

что отделавшийся лёгким испугом лакей вёл себя в Букингемском дворце в точности как Барбос из известного советского мультфильма (сравнение с героем фильма Джозефа Луизи «Слуга» было бы неумеренной лестью Барреллу): приглашал друзей в личные покои королевы и угощал их напитками из королевского погреба.

Но всё это цветочки. Ягодки имеются в протоколах полицейских допросов, содержание которых утекло в желтую газету News of the World сразу по завершении судебного процесса. Именно эти утечки и стали причиной беспрецедентного вмешательства королевы в судопроизводство. Желая убедить следователей Скотланд-Ярда в том, что он пользовался исключительным доверием Дианы Уэльской, Баррелл рассказал им, как потом смаковали газеты, про доставку в Кенсингтонский дворец любовников Дианы в багажнике машины; про то, что принцесса будто бы жаловалась дворецкому на пристрастие Доди аль-Файеда к кокаину; про свидания в шубе на голое тело; про покупку принцу Уильяму журналов «с девочками»; наконец, про то, что Чарльз издевался над нарядами Дианы, говоря, что она в них похожа на стюардессу.

Опровергать эти откровения гадко и глупо. Супруг королевы, принц Филип, известный своей неприязнью к Диане и резкостью выражений, заявил, что никогда ни в каких письмах не называл невестку «шлюхой» (harlot) и «лахудрой» (trollop). Баррелл, впрочем, к этим сведениям не имеет отношения – их предала огласке Симона Симмонс, экс-расен, знавшая покойную принцессу: она будто бы собственными глазами видела послание герцога Эдинбургского. Ну а что если где-нибудь да и назвал, а письмо возьми и окажись теперь среди бумаг, взятых Барреллом на доверенное хранение? Протоколы допросов, доступные репортерам, вряд ли были тайной для королевского двора. Откровения дворецкого освежили память Её Величества.

Принцесса под колпаком

Однако Баррелл не уgomонился. Он зашел за книгу. Главной сенсацией стало письмо, будто бы написанное Дианой и адресованное дворецкому. В этом послании принцесса Уэльская предсказывает обстоятельства своей смерти за десять месяцев до роковой автокатастрофы в Париже.

Начинает он издали. По словам Баррелла, его хозяйка была уверена в том, что её разговоры прослушиваются, а на друзей заводятся тайные досье. Дворецкий утверждает, что слежка за членами кабинета и членами королевской семьи – «рутинная практика» и что, готовясь к своему процессу в Old Bailey, он получил документальное подтверждение прослушки его собственных телефонов. В случае Дианы мания пре-

следования была следствием информации, полученной, как пишет Баррелл, от бывшего сотрудника британских спецслужб, которому принцесса всецело доверяла. Кроме того, о постоянной прослушке её предупреждал один из членов королевской семьи. Однажды, рассказывает Баррелл, он и Диана отодвинули мебель в гостиной, скатали ковер и отвертками взломали паркет, надеясь найти подслушивающее устройство. Однако ничего не нашли. Эта проверка не убедила принцессу, и в дом под чужим именем был приглашен друг из спецслужб. Он методически обыскал все помещения дворца и опять-таки не обнаружил ни одного «жучка». Тогда он объяснил Диане, что прослушивать разговоры возможно и без «жучков»: специальная аппаратура посылает в дом сквозь открытое окно сигнал, который, отражаясь от зеркала, возвращается, как томагавк, с записанной информацией. Подумав и осмотрев гостиную, принцесса сняла со стены зеркало, висевшее над камином прямо напротив окна.

Как раз в этот период, продолжает Баррелл, осенью 1996-го, принцесса Уэльская нашла новый *raison d'être*. Она включилась в кампанию за запрет противопехотных мин и в начале 1997 года побывала с этой миссией в Анголе; фотографии принцессы с миноискателем в руках обошли весь мир. Однако время от времени на неё находили приступы беспричинной тревоги. Один из них, пишет Баррелл, случился в октябре. Она вызвала своего дворецкого из буфетной, а сама устремилась ему навстречу. Они встретились на середине лестницы и сели на ступени. Диана стала в очередной раз жаловаться Барреллу на изощренные козни «бригады», пытающейся подорвать её имидж в глазах публики. Говорили о роли пассивности принца Чарльза, Камиллы Паркер-Боулз, и о том, что эта клика, по мнению Дианы, стремится «уничтожить» её.

С лестницы перешли в гостиную, и принцесса уселась за письменный стол. Она часто записывала свои мысли и чувства, говорит Баррелл, с тем чтобы попытаться лучше разобраться в них, – это была форма психотерапии. Из текста Баррелла можно понять, что в тот раз именно он надомнил её взяться за перо. Дворецкий сел на диван, наблюдая, как Диана «яростно черкает» ручкой по бумаге. Наконец она закончила и сказала: «Я хочу поставить дату и отдать это вам на хранение... на всякий случай». Она запечатала конверт и написала на нём: «Полу». Пол Баррелл распечатал и прочёл послание на следующий день. Он не нашёл в нём ничего необычного – принцесса, говорит он, часто делилась с ним подобными предчувствиями.

«Я сижу за своим письменным столом сегодня, в октябре, и жажду, чтобы кто-то обнял меня, ободрил, помог оставаться сильной и высоко держать голову. Насту-

Диана и Доди аль-Файед прибывают в парижскую гостиницу «Ритц» накануне своей гибели. За аль-Файедом следует телохранитель Тревор Рис-Джонс, единственный выживший в автокатастрофе

► пил самый опасный период моей жизни. <...> замышляет «аварию» моей машины, отказ тормозов и серьёзную травму черепа, дабы расчистить Чарльзу путь к новому браку.

Душевно я разбита и оскорблена системой, годами травившей меня, но я не чувствую злости и никого не ненавижу. Меня вымотали битвы, но я никогда не капитулирую. Я внутренне сильна, и это, возможно, и есть проблема моих врагов.

Спасибо, Чарльз, за ад, в который ты меня поверг, и страдания, которые ты причинил мне, – они многому научили меня.

Эта мука почти убила меня, но моя внутренняя сила никогда не давала мне сникнуть, а мои ангелы-хранители так заботились обо мне в небесах, простирая свои крылья, чтобы защитить меня...

31 августа 1997 года «мерседес», в котором находились Диана Уэльская и её друг Доди аль-Файед, врезался в опору туннеля под парижским мостом Альма. В живых остался лишь один человек – телохранитель Дианы Тревор Рис-Джонс. На месте пропущенного слова стоит, как утверждает Баррелл, имя конкретного лица (или лиц). Бывший дворецкий говорит, что готов сообщить это имя (или имена) следствию.

Кто убил Диану?

Но в том-то и дело, что никакого следствия по факту смерти Дианы и Доди британские власти, вопреки существующему законодательству, долго не учиняли. Расследованием инцидента занималась французская полиция. В 1999 году дело было закрыто: следствие пришло к выводу, что причиной катастрофы стала слишком высокая скорость автомобиля и состояние опьянения, в котором находился водитель Анри Поль. Однако материалы следствия объёмом более шести

тысяч страниц не опубликованы. В обстоятельствах гибели Дианы по-прежнему много неясного.

Очевидцы утверждают, что вслед за «мерседесом» Дианы в туннель въехал белый Fiat Uno. На корпусе «мерседеса» нашли царапину с частицами белой краски, но сама машина исчезла бесследно, хоть и была объявлена в розыск. Есть свидетели, утверждающие, что из туннеля в момент аварии донёсся звук выстрела или взрыва. Некоторые говорят, что туннель озарился изнутри вспышкой света такой яркости, которую не могут произвести фотовспышки (влюбленную пару преследовали фотографы-папарацци, не выпускавшие из рук свои камеры и после катастрофы). Некоторые эксперты сомневаются в достоверности анализа крови, показавшего высокое содержание алкоголя в крови Анри Поля; видеокамеры отеля Ritz, где работал Поль и откуда Диана и Доди отправились в своё последнее путешествие, не дают оснований подозревать водителя в опьянении – он двигается и говорит как совершенно трезвый человек. Наконец, на подозрения наводит факт спешного захоронения трупов – вскрытия не проводилось, опять-таки в нарушение закона.

При таких обстоятельствах появление конспирологических версий неизбежно – пожалуй, было бы удивительно, если бы они не появились. Основных сценариев три. Согласно первому, Диана и Доди не умирали – они инсценировали собственную смерть и теперь ведут уединенный образ жизни вдалеке от ярмарки тщеславия. Второй сценарий гласит, что мишенью была не Диана, а Доди, а заказчиками – деловые конкуренты его отца, миллиардера Мохаммеда аль-Файеда. Третий – что оба пали жертвой заговора британских спецслужб.

В пользу первой версии говорит мнение тех экспертов, которые считают, что при скорости почти 200 километров в час телохранитель Рис-Джонс выжить не мог. О том, что скорость «мерседеса» была значительно ниже, говорят и адвокаты погибшего водителя. Анри Поль не был алкоголиком, как утверждают некоторые свидетели. За два дня до катастрофы он прошёл подробный медосмотр; в отличие от трупов Дианы и Доди труп Поля был вскрыт – патологоанатомы зафиксировали идеальное состояние печени. Поль заменил постоянного водителя Доди в последний момент. Его имя было передано огласке через двое суток после трагического инцидента. На его многочисленных банковских счетах было обнаружено движение средств, значительно превышающих его жалование – 20 тысяч фунтов в год. Он был нелюдимым, и некоторые из знакомых подозревали его в сотрудничестве со спецслужбами. Тревор Рис-Джонс прошёл

ский универмаг, аль-Файед-старший был беспощаден и нажил себе немало врагов. Ему было отказано в британском подданстве именно из-за тех методов, которыми он пользовался в своей деловой практике. Известно также, что он тайно финансировал Консервативную партию. Однако ничего более определенного авторы версии сказать в её поддержку, в сущности, не могут.

Наконец, версия заговора. Её придерживается и всячески пропагандирует сам отец Доди. По его мнению, возможность обращения Дианы в ислам в случае брака с Доди аль-Файедом наводила ужас на представителей английского истеблишмента, в число которых он включает руководство спецслужб, традиционно пользующихся значительной автономией в своих действиях. Их особенно пугало, что примеру матери могут последовать принцы – в этом случае британская монархия и англиканская церковь столкнулись бы с небывалыми, нерешаемыми проблемами.

Принц Чарльз со своим камердинером Майклом Фоссеттом, которому злые языки приписывают роль «интимного друга» наследника престола

специальную военную подготовку и служил в десантно-диверсионных частях. Версия «чудесного спасения» состоит в том, что в «мерседесе» не было ни Дианы, ни Доди. Авария была инсценирована Полем и Рис-Джонсом. Поль жив, а документы о его смерти фальсифицированы. Помимо всего прочего, существует свидетельство репортера газеты Daily Mail Ричарда Крэя: он утверждает, что за шесть часов до гибели Диана говорила ему о своем намерении полностью исчезнуть из поля зрения публики.

Версия стройная. Возразить против неё можно лишь одно: Диана слишком любила своих детей, чтобы расстаться с ними навеки. Тайные посещения в духе Анны Карениной исключены: принцы постоянно на виду и не могут ступить шагу без публичной огласки. Даже телефонный звонок неизвестного лица немедленно стал бы известен отцу и бабушке. (Вспомним утверждение Баррелла о том, что слежка за особами королевской крови – «рутинная практика» британских спецслужб.)

Вторая версия – месть конкурентов – основана главным образом на деловой репутации Мохаммеда аль-Файеда. Знающие люди говорят, что в борьбе за Harrods, самый фешенебельный лондон-

Виндзоры готовы к диалогу

После выхода в свет книги Баррелла «Государева служба» принцы Уильям и Гарри опубликовали заявление, в котором назвали поступок бывшего дворецкого «холодным и откровенным предательством» памяти их матери, которая, будь она жива, пришла бы в ужас от этого сочинения. Их отец принц Чарльз, по слухам, запретил свите произносить в его присутствии имя Баррелла. Одна из ближайших подруг Дианы Роза Монктон, чрезвычайно редко выступающая с публичными комментариями по поводу принцессы, направила письмо в Sunday Telegraph, в котором пишет, что как раз в тот период, к которому относится предсказание смерти, принцесса Уэльская в поисках утешения окружила себя «людьми известного сорта, которые вечно охотятся за впечатлительными и уязвимыми женщинами высокого положения, – астрологами, так называемыми мистиками и прочей нечестивой шушерой». Высказывания сомнения и в аутентичности письма Дианы: адресат показывает лишь часть четырехстраничного текста, и не ори-

гинал, а копию с замазанным именем злоумышленника.

Баррелл ответил Уильяму и Гарри, что его единственным намерением было встать за защиту памяти покойницы и что сознание принцев, которых он знал с пелёнок, «отравлено» придворными – «людьми в серых сюртуках». Он усиленно подчеркивает, что его повествование – лишь «верхушка айсберга». И сокрушается, что принцы ни разу не сочли возможным встретиться с ним после того, как он попал под суд. «Мир был бы совершенно другим, – говорит он в одном из многочисленных интервью, – если бы позвонил телефон и мальчики сказали: «Пол, нам жаль, что мы не могли помочь тебе во время суда. Мы просто не могли, наши руки были связаны. Почему бы тебе не приехать в Лондон с Марией и ребятами (женой и сыновьями. – В. А.) – мы бы что-нибудь придумали?» Один телефонный звонок, всего один, мог остановить публикацию книги. Неужели я прошу слишком много?»

Но почему Баррелл не придал огласке содержание письма сразу после смерти Дианы? На этот вопрос вразумительного ответа нет. В книге он рассказывает о своей встрече с королевой – той самой, на которой Её Величество разрешила Барреллу взять на хранение вещи покойницы. «Будьте осторожны, Пол», – будто бы сказала ему Елизавета. И добавила, что «в этой стране действуют силы, о которых нам ничего не известно». «Много раз с тех пор я кусал себе локти, – пишет Баррелл. – Почему я не спросил её тогда же, что она имеет в виду? Как и вы, я могу только предполагать». Баррелл считает, что под «силами» королева могла подразумевать медиа-магнатов и руководство спецслужб, имеющих карт-бланш на любые действия, которые они сочтут необходимыми в интересах государства и короны.

Итогом деятельности Баррелла стало решение, которого так долго добивался отец Доди аль-Файеда. Коронер графства Сюррей Майкл Берджесс объявил, что предпримет дознание по факту смерти Дианы и её друга. (Коронер – должностное лицо, расследующее случаи внезапной смерти с признаками насилия. Сюррей – место жительства Мохаммеда аль-Файеда.) Канцелярия принца Уильяма, в свою очередь, сообщила, что принц готов встретиться с Барреллом. Встреча, уточнил представитель дворца Кларенс-хаус, где живут Чарльз и его дети, будет «абсолютно частной».

Дворецкий не останавливается

Однако, похоже, принц опоздал с предложением о встрече с бывшим дворецким. Интерес к книге Пола Баррелла еще не успел притупиться (по числу экземпляров, проданных на Британских островах в первую после выхода в свет неделю, – 77 тысяч – «Государева служба» уступила лишь «Гарри Поттеру»), как дом Виндзоров постигла новая напасть. Вечером в четверг 6 ноября 2003 года канцелярия наследника выступила с небывалым опровержением: она заявила, что принц Чарльз абсолютно не виновен в том, в чем его обвиняют. При этом суть обвинений оставалась предметом слухов и домыслов и не могла быть опубликована в британской прессе в силу судебного запрета.

Как выяснилось впоследствии, в пятницу 31 октября 2003 года газета Mail on Sunday (выходящая, как явствует из названия, по воскресеньям) уведомила Кларенс-хаус о своем намерении опубликовать в ближайшем номере статью, написанную со слов бывшего королевского слуги и раскрывающую личную жизнь принца Уэльского с неблагоприятной стороны. Показания бывшего слуги даны под присягой и заверены надлежащим образом. Чарльз в Лондоне отсутствовал – он находился с девятидневным визитом в Индии. Остановить публикацию мог только суд. Именно так и решено было поступить. Наутро в субботу 1 ноября в лондонский Высокий Суд (первая инстанция Верховного Суда Англии) обратились адвокаты Майкла Фосетта, бывшего камердинера наследника, с требованием наложить запрет на пуб-

ликацию. После трехчасовых слушаний, которые по требованию истца частично прошли при закрытых дверях, судебный приказ, возбраняющий огласку сюжета, был издан. Очередной номер Mail вышел без сенсационного материала. Тогда в суд обратилась газета Guardian. Её представители заявили, что не собираются пересказывать сплетни, однако хотят огласить имя человека, который воспрепятствовал публикации, несомненно представляющей значительный общественный интерес. С этими доводами суд согласился. Имя Майкла Фосетта немедленно появилось на веб-сайте Guardian. Известие было тотчас доведено до сведения принца Уэльского, который к тому времени из Индии перебрался в Оман. Тот распорядился опубликовать опровержение.

В четверг в вечернем эфире BBC появился личный секретарь наследника сэр Майкл Пит, огласивший текст заявления, которое крайне заинтриговало публику.

«В последние дни, – говорилось в заявлении, – в прессе появились сообщения о том, что бывший работник королевского двора несколько лет назад был свидетелем инцидента с участием старшего члена королевской семьи. Необходимо положить конец домыслам. Обвинение состоит в том, что в инциденте участвовал принц Уэльский. Это обвинение является ложным. Инцидент, свидетелем которого якобы был этот бывший работник, никогда не имел места». Далее текст гласит, что этот мнимый свидетель, к сожалению, страдает посттравматическим расстройством психики, а в прошлом был подвержен алкоголизму вследствие участия в боевых действиях на Фолклендах. «Он и прежде выступал с отдельными утверждениями, которые были тщательно расследованы полицией и признаны безосновательными», – отметил сэр Майкл.

Парадокс состоит в том, что о содержании скандальных разоблачений если не знали точно, то догадывались все до единого лондонские репортеры. После того как было названо имя Фосетта и подробности биографии лица, представившего информацию Mail, сомнений в справедливости догадок практически не осталось. Опровержением и

тяжкой Кларенс-хаус лишь усугубил положение.

Проблемы с ориентацией

Бывший лакей королевы, Фосетт работал у Чарльза после его развода с принцессой Дианой, а затем уволился под предлогом болезни, после того как выяснилось, что он приворовывал. Чарльз не раз говорил, что в состоянии обойтись без кого угодно, только не без Майкла. При увольнении Фосетт получил выходное пособие в размере пятилетнего жалования и ныне продолжает трудиться на благо наследника в качестве вольнонаемного устроителя празднеств. По словам знающих людей, Фосетт пользуется правом беспрепятственного входа в Кларенс-хаус и имеет там свой кабинет, а некоторые говорят, что принца и его камердинера связывает взаимная душевная привязанность – отсюда, мол, и поползли злонамеренные слухи.

Однако другой бывший королевский слуга, Джордж Смит, биография которого полностью соответствует описанию Майкла Пита, утверждает, что сам стал жертвой насилия Фосетта, а кроме того, был свидетелем интимной сцены между Фосеттом и «старшим членом королевской семьи», в котором нетрудно угадать принца Уэльского. Секретарь принца ошибается, когда говорит, что полиция расследовала обвинения и нашла их беспочвенными, – Смит удалось уговорить отказаться от его показаний. Однако в 1996 году он будто бы рассказал обо всем принцессе Уэльской, а та записала его рассказ на плёнку.

Факт существования кассеты подтвердил Пол Баррелл. Он заявил, что знает содержание плёнки со слов Дианы и слышал своими ушами часть записи, но никогда не разгласит услышанное ввиду чрезвычайного вреда, который причинит такая огласка британской монархии. По словам Баррелла, кассета хранилась в запертой шкатулке красного дерева вместе с другими «фамильными ценностями» – в частности, перепиской принцессы со свёкром, принцем Филипом, и братом, графом Спенсером. Шкатулка, как утверждает Баррелл, находилась на хранении у надежного друга Дианы, а после трагической гибели принцессы Уэльской была

доставлена в родовое имение Спенсеров Элторп в графстве Нортхэмптоншир, однако оказалась пустой.

По мнению журналистов, именно эту плёнку искала полиция во время обыска в доме Баррелла, но безуспешно. Зато были найдены и изъяты видеокассеты – своеобразный видеодневник Дианы с горькими lamentациями по поводу создавшегося положения и интриг двора против неё. Эти кассеты были переданы огню по личному распоряжению принца Чарльза и под наблюдением Майкла Фосетта. Однако самая главная кассета, с рассказом о физической близости принца и Фосетта, избежала этой участи. Её местонахождение неизвестно.

Опровержение принца Чарльза способствовало лишь тому, что пружина скандала стала стремительно раскручиваться. Первой не вытерпела итальянская газета Corriere della Sera: в номере от 7 ноября 2003 года она опубликовала детальный рассказ об инциденте. История появилась и на некоторых веб-сайтах, находящихся за пределами юрисдикции английского суда. Британские газеты, лишённые возможности назвать вещи своими именами, пошли окольным путём и собрали новые свидетельства. Так, бывший пресс-секретарь принца Марк Болланд рассказал газете News of the World, что год назад ему позвонил сэр Майкл Пит с вопросом: «Бисексуален ли принц Уэльский?» Болланд, по его словам, ответил решительным «нет». Сэр Майкл говорит, что не только не задавал Болланду подобных вопросов, но и ни разу в жизни не употреблял слова «бисексуальный».

Не исключено, что Баррелл шантажирует королевское семейство. В его книге опубликованы отрывки из тех самых писем, которые хранились в опустошённой шкатулке. Он говорит, что оригиналов этих посланий у него нет, и что он воспроизводит текст по своему дневнику. Букингемский дворец в панике. По общему мнению, на институт британской монархии обрушился тяжёлый удар. Если будет доказано, что наследник престола покрыл уголовное преступление, речь может идти даже об отречении. Так Диана с того света мстит предавшему её мужу.

После публикации книги Баррелла принцы Уильям и Гарри заявили, что бывший дворецкий совершил «холодное предательство» памяти их матери

Корона в воздухе

■ Галина СИДОРОВА,
Владимир ЧЕБОТАРЕВ

Принц Фелипе и принцесса Елена с отцом во время военного парада в Мадриде 12 октября 2002 года

Публикация 2013 года

Геранд Испании и маркиз де Кастиль-вель родился в Мадриде в 1920 году. Его предки – прославленные герои испанской истории. Отец, военный, много лет был доверенным лицом короля Альфонсо XIII, деда короля Хуана Карлоса I. В гражданскую войну 1936 – 1939 гг. Вилальонга воевал против республиканцев. Эмигрировал из франкистской Испании в 1946 году, объяснив свое решение следующими словами: «Я могу жить среди тех, кого ненавижу, но не среди тех, кого презираю». За две из своих изданных в эмиграции книг был заочно приговорен к тринадцати и девяти годам тюрьмы. Вернулся в Испанию после объявленной по смерти Франко амнистии (июль 1976 г.).

Дон Хосе Луис де Вилальонга много лет был «золотым пером» французской журналистики. В качестве корреспондента журнала «Пари-матч» он интервьюировал Шарля де Голля, Индиру Ганди, Чарли Чаплина, Герберта фон Караяна, Брижит Бардо и многих других. Снял в 77 фильмах, в том числе у Федерико Феллини, Луи Маля и Блейка Эдвардса. Автор многих киносценариев, книг и мемуаров, ставших бестселлерами.

Не царское это дело – давать интервью. Король Испании дон Хуан Карлос I обычно этого не практикует. Хотя в молодости, по его собственному признанию, допускали большие «нарушения» – сбегал от охраны на мотоцикле, шокируя на светофорах подданных. Для нашего испанского коллеги, Хосе Луиса де Вилальонга, человека в своем роде уникального (о нем ниже), Его Величе-

ство сделал исключение. И появилась книга, выдержавшая 11 изданий на родине и переведенная на основные языки мира.

Книга «Король. Беседы с Королем Испании доном Хуаном Карлосом I» также вышла и в России.

Мы не случайно выбрали для публикации именно этот отрывок. Слишком уж события испанской истории тридцатилетней давности перекликаются с российскими потрясениями прошлых десятилетий. Перекликаются и вновь заставляют задуматься...

О чем ты хочешь говорить сегодня?

Тон открытый и доверительный. Король в прекрасном настроении.

<...> Я всегда замечаю, когда дон Хуан Карлос колеблется между желанием рассказать и необходимостью промолчать. Но его молчание порой красноречивее всяких слов. На многие мои вопросы, порой чересчур конкретные (особенно о событиях 23 февраля), он мне отвечал, и не раз: «Я не должен высказывать свое личное мнение по поводу тех событий, которым дал правовую оценку военный суд». Но я точно знаю (слухи просачиваются и сквозь стены королевского дворца), что когда король обзванивал по телефону всех командующих военными округами, одного за другим спрашивая, какова их позиция в отношении государственного переворота, они отвечали одно и то же: «Я в Вашем полном распоряжении, Ваше Величество». Это «в полном распоряжении» означало, что они совершенно открыто говорили королю: «Если Вы поддерживаете действия Миланса¹ и Техеро², мы будем с Вашим Величеством. Но

если Вы – против, мы поможем Вашему Величеству осадить этих людей». Этот решающий факт возвращает нас к вопросу, который задавали себе в ту ночь многие испанцы, ожидая появления монарха на экранах своих телевизоров: а сам король, он за или против военных, поднявших мятеж?

– Мне очень неприятно слышать, – замечает дон Хуан Карлос, – когда говорят, будто переворот Миланса и Техеро был «опереточным». «Опереточным» он стал лишь потому, что провалился. Но что было бы, если бы эти люди добились успеха? Возможно, мы с тобой не беседовали бы, как сейчас...

Захват парламента

...23 февраля 1981 года ровно в шесть часов двадцать минут вечера подполковник Антонио Техеро с пистолетом в руке во главе группы жандармов ворвался в зал заседания кортесов (испанский парламент. – *Ред.*) в тот момент, когда председатель палаты депутатов Ланделино Лавилья проводил поименное голосование по кандидатуре нового премьер-министра.

Техеро, действительно похожий на шута из оперетки, поднялся на тричетыре ступеньки трибуны и, оказавшись вровень с председателем Лавильей, закричал:

– На пол! Всем лечь на пол!

Генерал Гутьеррес Мельядо, физически невзрачный, интеллигентного вида, одним прыжком вскакивает с кресла и становится лицом к лицу с жандармами, которые направляют на него автоматы.

– Немедленно сложить оружие!

Техеро в ответ:

– Мы подчинимся только приказу генерала!

Гутьеррес Мельядо возмущенно заявляет:

– Какого генерала?! Единственный генерал здесь я!

Техеро толкает Гутьерреса Мельядо <...> и снова кричит:

– Сказано, всем на пол!

Министры и депутаты подчиняются и прячутся на полу за своими депутатскими креслами. <...> Адольфо Суарес³ и Сантьяго Каррильо⁴ остаются сидеть на местах, решив умереть достойно.

Генерал Гутьеррес Мельядо стоит рядом с Адольфо Суаресом с выражением безграничного презрения к жандармам на лице. Техеро через микрофоны объявляет, что подчиняется «приказам короля и генерала Миланса дель Боска, командующего Валенсийским военным округом», который контролируется его танками...

– Среди всех командующих военными округами, с которыми Вы говорили по телефону, не было ни одного, кто колебался бы между законностью и мятежом?

Дон Хуан Карлос отвечает без тени сомнения:

– Не может быть позиции «между законностью и мятежом»! Единственным, с кем у меня возникли проблемы, был сам генерал Миланс дель Боск, который взволнованно крикнул в трубку: «Ваше Величество, но я же делаю это ради спасения Монархии!»

– Спасения от кого?

– Я не стал спрашивать его об этом. Мы потеряли бы время в ненужных препирательствах.

– А можно было сомневаться в монархических чувствах Миланса дель Боска?
– Нет, ни в коем случае.

– То есть он действовал из лучших побуждений.

– Полагаю, что он стал жертвой изощренной кампании дезинформации, хотя, как известно, он никогда не принимал происходившие в Испании перемены.

Однако в целом армия вовсе не была настолько верной королю, как он думает или как старается представить. Миланс дель Боск – сын и внук военных, также заговорщиков, предававшихся этому делу не раз, – не единственный организатор мятежа. Перевороты – рутинное явление в истории Испании. С начала XIX века и до 1936 года государственные военные перевороты, мятежи и восстания были в порядке вещей. Генерал на коне с саблей в руке врывался в государственное учреждение, брал власть на некоторое время, чтобы вскоре уступить ее другому генералу. Бывало, военные авантюры с треском проваливались. Но крайне редко их участники оказывались под дулами расстрельного взвода. Ни Миланс, ни Техеро также не ставили на кон свои жизни 23 февраля, потому что в Испании смертная казнь в 1978 году была отменена.

Дон Хуан Карлос прав, когда говорит, что ошибкой было бы считать это выступление «опереточным заговором» <...> Ведь в нем участвовали не одни военные. Гражданские политики правого толка – банкиры, крупные предприниматели и даже высшие иерархи церкви обеспечивали их деньгами и оказывали политическую поддержку <...> Эти люди готовы были покончить с демократией, которая, по их мнению, вручила власть тем, кого в 1939 году они победили. Если бы во главе государства не стоял дон Хуан Карлос, не исключено, что они свергли бы законное правительство. Но король оказался слишком серьезным препятствием на их пути. Некоторые из них даже считали, что для успеха государственного переворота против демократии необходимо сначала убрать с дороги короля. Отсюда до мысли ликвидировать его физически оставался один шаг.

Рискованная профессия

– Вы чувствовали в какой-нибудь момент опасность?.. Я хочу сказать, физическую опасность?

– То есть боялся ли покушения? Как сказать...

Дон Хуан Карлос задумывается, прежде чем ответить:

– Я никогда не думаю о смерти. Нельзя жить в страхе перед смертью. Особенно если речь идет о короле – это профессия не без риска...

– Но как можно не думать о смерти?

– Я не помню сейчас имени одного тореро, которого как-то спросили, не боится ли он выходить на арену? А он ответил: «Страх испугаться не позволяет мне бояться».

– А были когда-нибудь покушения на жизнь Вашего Величества?

– Гм... нет.

– Тем не менее я слышал, что однажды, кажется, подложили бомбу под трибуну, где Вы должны были находиться, принимая парад Вооруженных сил...

– А, да... в Ла-Корунье. Кажется, там прорыли какой-то туннель под эту трибуну, но... – Дон Хуан Карлос снова отрицается, будто заклинает дурные воспоминания. – Я никогда больше не слышал об этом деле... – говорит он абсолютно безразличным тоном.

– Вам кажется, что служба безопасности достаточно надежно охраняет Вас?

– Да, все выполняю свою работу очень хорошо <...> Я отдаю себе отчет, что есть сумасшедшие и фанатики,

а ведь почти все террористы таковы. Лучше думать не о смерти, а о том, что тебя хранит судьба или твоя счастливая звезда. Однако нужно быть готовым в тот момент, когда всех охватывает паника, действовать точно и адекватно. Дон Альфонсо XIII⁵ спас себе жизнь, направив коня на того, кто пытался выстрелить в него из револьвера. Но бедный Маунтбеттен⁶ ничего не мог сделать против террористов из ИРА, которые с расстояния в несколько сот метров от его яхты нажали на кнопку и взорвали ее. Кеннеди убили в присутствии сотен агентов ФБР. Рейган едва не лишился жизни из-за какого-то психа, пожелавшего поразить воображение киноактрисы, в которую был влюблен. Люди из

моей службы безопасности всегда больше обеспокоены моим присутствием на официальных церемониях, о которых объявляется за несколько месяцев, нежели охраной нас с королевой, когда мы, случается, сбегаем в какой-нибудь ресторанчик, где нас никто не ждет. Полагаю, лучший способ избежать покушения – действовать неожиданно, импровизировать (хотя в моем случае это сделать трудно). Большинство военных, ставших жертвами террористов ЭТА (экстремистская организация, вышедшая из баскского националистического движения. – **Ред.**), погибли именно потому, что всегда передвигались по одному и тому же маршруту...

– Действительно, это облегчает дей-

ствия террористов. Но Вашему Величеству иногда нравится сбежать от своих охранников...

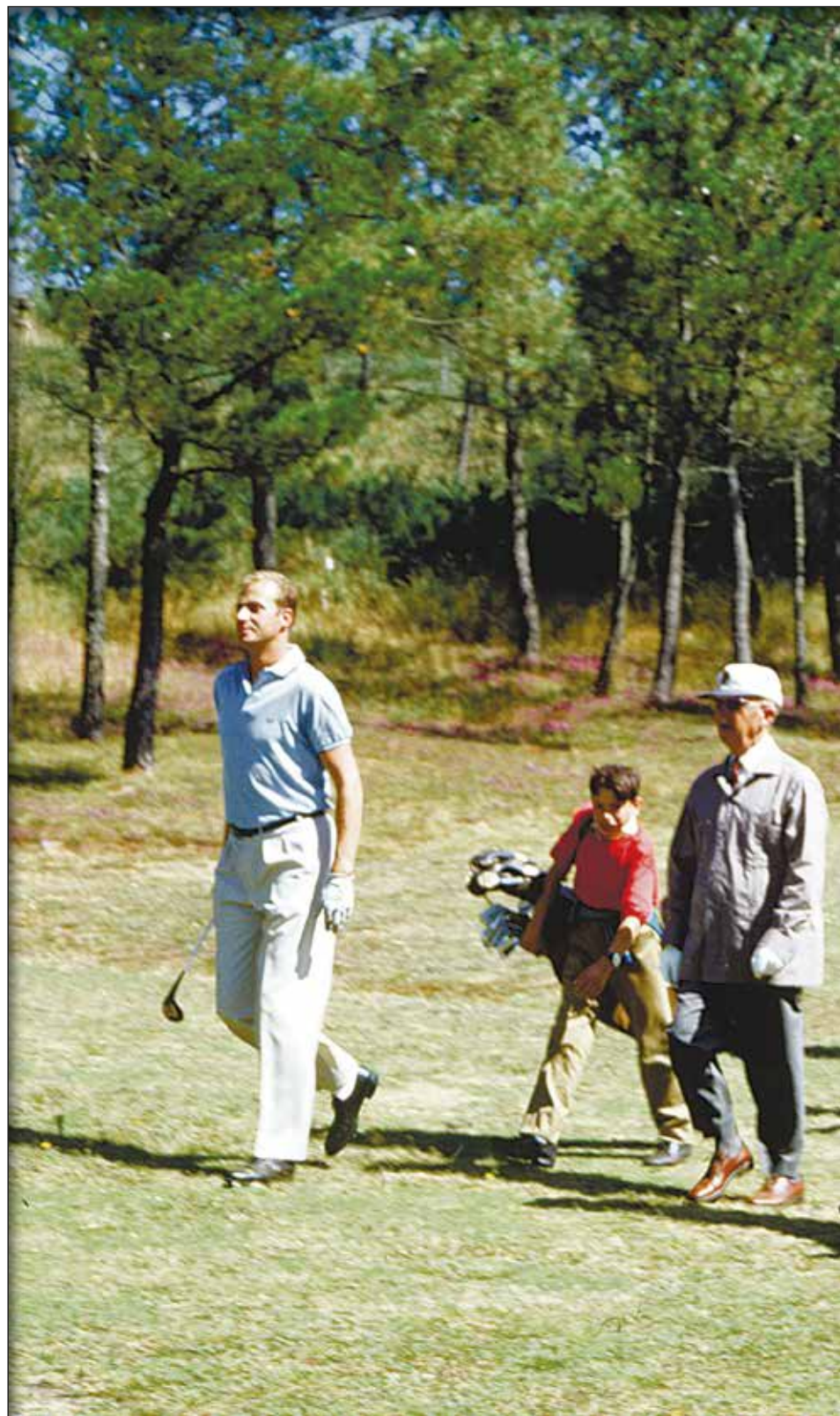
Дон Хуан Карлос распрямляется в кресле и хохочет.

23 февраля 1981 года. Полковник Техеро произносит речь перед «поверженными» депутатами в только что захваченном парламенте.

– Ах! Эти времена кончились! Знаешь, Хосе Луис, это было замечательно – промчаться по улицам Мадрида на мотоцикле в шлеме, чтобы тебя никто не узнал. Иногда я снимал шлем перед светофором, и люди в машинах рядом со мной цепенели от неожиданности. Вот были времена!

Даю возможность королю предаться

Перевороты – рутинное явление в истории Испании. С начала XIX века и до 1936 года государственные военные перевороты, мятежи и восстания были в порядке вещей.

Одна из последних прогулок с Франко

воспоминаниям, но как только улыбка сходит с его лица, говорю ему:

– Однако мы далеко ушли от нашей темы: военный переворот 23 февраля.

– Во все нет! Государственный переворот и был покушением, только совершенным против всей Испании. Однако испанцы поняли, что они столкнулись с угрозой новой гражданской войны. Еще до того, как я выступил по телевизору, мне позвонили из Рабочих комиссий (крупнейший испанский профсоюз. – **Ред.**) и сказали: «Мы сжигаем наши архивы и уходим в горы». Я им ответил: «Только не делайте этого! Я все держу под контролем!»

– И Вы действительно контролировали ситуацию?

– Да, потому что я переговорил с большинством командующих военными округами.

– И Вы нисколько не сомневались в верности этих людей, которые говорили Вам: «Я в полном Вашем распоряжении, Ваше Величество»?

– Да, у меня не было причин не доверять им.

Но тон его не очень убедителен. Скорее, это тон человека, который не хочет ставить под сомнение верность тех, кто был более или менее лоялен. Урок, преподанный дону Хуану Карлосу некоторыми представителями его окружения в ночь с 23 на 24 февраля, оказался жестоким и не мог не поколебать его веру в людей.

Заговорщики

Миланс дель Боск и генерал Армада⁷ были товарищами по оружию, но слишком разными, чтобы ценить друг друга и ощущать взаимопонимание. Общим у них была лишь военная форма, но один надевал ее, чтобы участвовать в маневрах в полевых условиях, а другой – чтобы направиться к себе в кабинет. Миланс был очень популярным генералом в армии, он – один из защитников крепости Алькасар в Толедо во время гражданской войны. Хотя он входил в число поклонников Франко, его ностальгия по временам франкизма не сказывалась на его преданности Монархии. Дон Хуан Карлос нередко высказывался с симпатией в его адрес.

Король знал, что Миланс затаил злобу против правительства Суареса, потому что тот не дал ему пост начальника Генерального штаба сухопутных войск. Милансу казалось, что с ним поступили несправедливо. Но все понимали, что

¹ Хайме Миланс дель Боск – генерал, участник гражданской войны на стороне франкистов. За участие в попытке переворота 1981 г. приговорен к 30 годам тюрьмы. Вышел на свободу в 1990 году.

² Антонио Техеро – подполковник жандармерии. За участие в попытке переворота 1981 г. приговорен к 30 годам тюрьмы. Вышел на свободу в 1996 году.

³ Адольфо Суарес – председатель испанского правительства с 1976 по 1981 г.

⁴ Сантьяго Каррильо – Генеральный секретарь Коммунистической партии Испании с 1960 по 1982 г.

⁵ Дон Альфонсо XIII – дед Короля Хуана Карлоса.

⁶ Лорд Маунтбеттен (1900 – 1975) – английский военный политик, вице-король и губернатор Индии, командующий британским флотом.

⁷ Альфонсо Армада – генерал, заместитель начальника Генерального штаба сухопутных войск во время событий 1981 года.

► Миланс – не слишком подходящая фигура для начальника Генерального штаба и еще менее – для министра обороны, о чем он тоже страстно мечтал. У него были все дипломы и все возможные награды. Чего ему не хватало, так это... ума. Иначе он никогда бы не связался с таким человеком, как Техеро, который ненавидел и Короля, и Монархию.

То, что задиристый Миланс взорвался, для дона Хуана Карлоса не было особой неожиданностью.

– Он столько раз говорил, что когда-нибудь выведет свои танки, что никого не удивило, когда он сделал это на улицах Валенсии. И тем не менее когда Миланс заявил мне, что решил меня «спасти», я обомлел.

– А предательство Армады Вас не удивило?

– А... Армада... Я уже сказал тебе, Хосе Луис, что мне не следует говорить о том, что уже получило оценку военного суда.

Король медленно поднимает голову и неподвижно смотрит на свои сцепленные руки.

План, разработанный Армадой, начал приобретать реальные черты, когда кризис правительства Суареса стал для всех очевидным. Его партия напоминала корабль без руля и без ветрил. Суарес не мог остановить волну насилия террористов ЭТА, избравших мишенью военных. В армии поднимались недовольство и волнение. На Суареса напали со всех сторон, и он уже не знал, к кому обратиться. Военные не простили ему легализации Коммунистической партии. Правые упрекали в том, что он стал первым премьер-министром, принявшим террориста Арафата и публично его обнявшим. Предприниматели вели против него нескончаемую войну на истощение. Банкиры решили больше не поддерживать человека, позволявшего себе хвастаться тем, что деньги для него не имеют значения. Церковь подняла тревогу, узнав о подготовке закона о разводе. Профсоюзы уже не верили обещаниям, поскольку они не выполнялись.

Король ничего не мог сделать против нараставшей в обществе враждебности к Суаресу. Но любая, даже завуалированная поддержка премьер-министра со стороны монарха могла бы поставить под сомнение саму роль короля как арбитра в обществе.

– Я встречался, – поясняет дон Хуан Карлос, – со многими высшими офицерами... внимательно выслушивал их и, когда мне казалось, что их аргументы слишком расходятся с реальностью, пытался, насколько мог, убедить их быть благоразумными. Я также пытался дать им ясно понять, что ни при каких обстоятельствах они не могут рассчитывать на меня в действиях, направленных против конституционного правительства, каким бы оно ни было. Такие действия, говорил я им, будут рассматриваться королем как направленные и против монархии.

Несмотря на твердую позицию дона Хуана Карлоса, генерал Армада решил, что, используя имя короля, можно будет поднять военных. И он начал исподволь плести паутину, куда и попали такие эмоциональные люди, как Миланс дель Боск. Поскольку все в армии знали о давних и тесных связях Армады с королевской семьей, никто из военных не ставил под сомнение его слова, когда тот доверительным тоном сообщал: «Король полагает, что...», «Король хотел бы...», «Король говорил мне...» и т. д.

29 января 1981 года в своем выступлении по телевидению Адольфо Суарес объявил о намерении подать в отставку. (Предварительно он долго беседовал с королем и предложил ему свою голову «на подносе». «Это единственный способ, – сказал он, – чтобы Ваше Величество избежали политического риска в приближающемся кризисе».) В обращении к испанцам он с горечью констатировал: «Я ухожу в отставку, потому что не хочу, чтобы демократическая система, которую мы так ждали, снова оказалась за скобками истории Испании». После падения Суареса генерал Армада лишь усилил свою активность.

– А как Вы узнали о том, что произошло в кортесах?

– От кого-то здесь, в доме, кто услышал новость по радио. Я как раз собирался сыграть партию в сквош, когда мне сообщили, что какие-то жандармы ворвались в зал заседания парламента. Я немедленно позвонил начальнику Генерального штаба сухопутных войск и спросил: «Что происходит в Мадриде?» «Именно сейчас мы пытаемся получить информацию, Ваше Величество. Но если Ваше Величество хочет поговорить с Армадой, он здесь, рядом». – «Дай мне его. Альфонсо, что там еще за история?» Армада ответил очень спокойно: «Сейчас возьму документы в кабинете и приеду в Сарсуэлу, чтобы лично доложить Вам, Ваше Величество».

Телефонный поединок

До этого момента все казалось нормальным. То, что Армада, второй человек в Генеральном штабе, предложил коро-

в трубку своему собеседнику: «Альфонсо, подожди немного у телефона, мне принесли на подпись бумаги». И снова прикрыл трубку. Сабино опять тихим голосом сообщил: «Будьте осторожны, генерал Хусте только что сказал мне: «Передайте королю, чтобы он ничего не предпринимал, если Армада попытается связаться с ним. Пусть подождет моего звонка и ничего не говорит Армаде». Утвердительно кивнув, дон Хуан Карлос снова обратился к Армаде: «Альфонсо, прежде чем приезжать сюда, узнай, пожалуйста, во всех деталях, что произошло в кортесах. Сейчас я не могу тебя принять, но попытаюсь сделать это позднее». И повесил трубку, не дав тому времени на ответ. Сабино тут же отдал необходимые распоряжения, чтобы Армаду не пропускали во дворец. Как Сабино, так и король тотчас разгадали, какая плетется интрига. «Если Армада

Миланса дель Боска» и что все военные округа поддержали выступление генерала.

Позднее, уже став премьер-министром, Фелипе Гонсалес признался, что в тот момент все они были уверены, что их убьют. Они слышали голоса пьяных жандармов. С самого начала событий, причем никто не отдавал себе в этом отчета, видеотека снимала все происшедшее в зале.

В Сарсуэле тем временем телефоны не умолкали. Шеф аппарата Королевского дома маркиз де Мондехар, начальник Королевской военной охраны генерал Валенсуэла и генерал Сабино Фернандес Кампо едва успевали отвечать на телефонные звонки, поступающие отовсюду.

<...> Король знал, что, как только появились первые сообщения о мятеже, испанцы закрылись в домах, с тревогой

Король знал, что, как только появились первые сообщения о мятеже, испанцы закрылись в домах, с тревогой думая о том, как поступит монарх

Король с премьер-министром Хосе-Мария Аснаром

лю, что прибудет во дворец для доклада, было совершенно в порядке вещей. Но вдруг (казалось бы, без всякого к тому основания) король интуитивно почувствовал опасность, связанную с присутствием Армады в Сарсуэле (королевская резиденция. – *Ред.*). К тому же голос Армады – спокойный, даже индифферентный – говорил, что происшедшее в кортесах его не удивило. Именно этот голос насторожил короля. Он понял, что не должен принимать Альфонсо Армаду в Сарсуэле. Как раз в этот момент в кабинет вошел Сабино Фернандес Кампо и жестом попросил короля прикрыть телефонную трубку. Дон Хуан Карлос тут же догадался, о чем скажет Сабино Фернандес <...> Тот прошептал: «Речь идет об Армаде». Тогда король сказал

каким-то образом участвует в происходящем в кортесах, – сказал король Сабино, – логично, что он попытается приехать сюда и от моего имени установить контакты со всеми командующими военными округами под предлогом того, что избавит меня от неприятных разговоров. Но что это будет означать? Это будет означать, что король в курсе дел участников военного переворота и не мешает им».

<...> Король сам связался по телефону со всеми командующими округами.

Тем временем Техеро в кортесах решил министрам и депутатам встать с пола и занять свои места. Сам он занял место председателя палаты депутатов и оттуда через микрофон заявил, что действует «от имени короля и генерала

думая о том, как поступит монарх. Он понимал, что пока не выступит публично, враги его будут распространять самые нелепые слухи. Его соратники пытаются (без всякого успеха) дозвониться в Прадо дель-Рей, где находится Испанское радио и телевидение (ИРТ). Соединяются с директором ИРТ и просят того немедленно прислать в Сарсуэлу телевизионную группу, чтобы записать обращение короля к нации. Директор ИРТ осторожно дает понять, что арестован в собственном кабинете, а здание захвачено отрядом из четырнадцатого полка Вильявисиоса, чьи казармы расположены неподалеку.

Как только удалось дозвониться до какого-то офицера в захваченном центре, король берет трубку и приказывает немедленно выслать телевизионную группу в Сарсуэлу.

Группа прибыла через полчаса. Было решено продублировать запись обращения короля к нации и копии вывезти разными путями, потому что никто не знал, что происходит вокруг дворца – окружен ли он войсками, перекрыты ли подъезды к нему. Королевская гвардия была готова к любому развитию событий, но она находилась внутри парка, где расположен дворец. Позднее стало известно, что в планы заговорщиков захват дворца не входил. Они даже не отрезали телефонные линии!

Между тем в Министерстве обороны начальник штаба генерал Габейрас, красивый мужчина с внешностью офицера из бывших колоний, встречается в своем кабинете с генералом Армадой, уже зная, что тот участвует в заговоре. Дон Хуан Карлос попросил его не пускать Армаду в Сарсуэлу.

Техеро остается один в кортесах со своими жандармами. Все, кто его знает, опасаются, что он натворит что-нибудь непоправимое.

Находясь в курсе хитроумных игр Армады, Габейрас считает, тем не менее, возможным использовать его (а тот чувствует себя все более неуверенным), чтобы обезвредить эту бомбу с часовым механизмом. С этой целью Габейрас отдает Армаде приказ: «Идите в парламент, встретитесь с Техеро и, если тот согласится сдаться, предложите ему два самолета, на которых он и его люди могут вылететь в ту страну, которую выберут. Переговоры с Техеро на других условиях вы можете вести только от собственного лица, не ссылаясь при этом ни на короля, ни на Генеральный штаб. Так что решайте сами». После некоторого размышления Армада вновь обретает надежду и бросается в игру. Если ему хоть немного повезет, думает он, он сможет стать «человеком, спасшим ситуацию».

Бывшие премьеры Фелипе Гонсалес (слева) и Адольфо Суарес вспоминают минувшие дни

Ночь признания

Когда съемочная группа приезжает в Сарсуэлу, король одет уже в форму Верховного главнокомандующего. Дон Хуан Карлос готов взять на себя всю ответственность за судьбу страны. Если бы на свободе оставался хоть один министр правительства, король, согласно Конституции, должен был бы выслушать его предложения. Но все члены правительства арестованы в здании парламента.

В ту ночь король до конца познал всю тяжесть груза принятия важного решения в одиночку.

Позднее нашлись люди, говорившие, что тогда он превысил права, предоставленные Конституцией. Однако в те полные драматизма часы король постарался скрупулезно соблюсти демократическую законность.

Оказавшись перед телевизионными камерами, дон Хуан Карлос понимает: на карту поставлена не только монархия, но и сама жизнь. Но он обладает легендарной храбростью Бурбонов и глубокой убежденностью, что его долг – быть королем всех без исключения испанцев. Он говорит спокойным, слегка приглушенным из-за волнения голосом, четко произнося каждое слово:

«Я обращаюсь ко всем испанцам с кратким словом в чрезвычайных обстоятельствах, которые мы все переживаем, и прошу всех сохранять спокойствие и уверенность. Сообщаю вам, что всем генералам, командующим округами и войсками, флотом и авиацией в регионах и провинциях я приказал следующее.

В ситуации, созданной случившимся во дворце Конгресса, и во избежание неверного толкования подтверждаю, что приказал гражданским властям и Совету начальников Генерального штаба принять все необходимые меры для сохранения конституционного порядка в рамках существующей законности.

Любые действия военного характера должны быть одобрены Советом Генерального штаба. Монархия, символ единства и стабильности Родины, не может допустить какие-либо действия, направленные на то, чтобы путем насилия прервать демократический про-

Все министры, депутаты, служащие парламента, телефонисты, журналисты и газетные фотографы кричали: «Да здравствует король!» После 23 февраля многие «хуанкарлисты» стали просто монархистами.

цесс, определенный Конституцией, за которую проголосовал испанский народ, одобрив ее в свое время на референдуме».

Услышав последние слова короля, вся Испания вздыхает с облегчением. Король – в отличие от того, что думали многие, – свободен при принятии решений на своем командном посту. Государственный переворот осужден. Ночь 23 февраля 1981 года стала для дон Хуана Карлоса, по одному удачному выражению, «ночью признания» <...>

Для миллионов испанцев дон Хуан Карлос перестал быть назначенным генералом Франко наследником «в качестве короля». Он стал настоящим Королем Испании <...>

Когда гаснут телекамеры, король снова звонит в Третий военный округ и, услышав на другом конце провода голос Миланса дель Боска, говорит ему со всей твердостью, на какую способен: «Приказываю тебе отменить все свои распоряжения, считаю их бунтовческими, требую вернуть войска в казармы, а также приказать Техеро сдать и покинуть здание кортесов. До этого времени я пытался убедить себя, что ты не являешься мятежником. Но с этого момента я вынужден считать тебя таковым. И иначе поступить уже не смогу...» Голос Миланса дрожит от волнения: «То, что я сделал, я сделал, Ваше Величество, ради спасения монархии». Дон Хуан Карлос тут же отвечает: «Чтобы достичь твоих целей, тебе пришлось бы меня расстрелять», – и резко бросает трубку.

Сразу после этого необычайно напряженного диалога Милансу дель Боску посылают из Сарсуэлы телекс следующего содержания:

«I. Подтверждаю мое твердое решение сохранить конституционный порядок в рамках действующих законов; после получения этого обращения иного решения уже быть не может.

II. Никакой государственный переворот не может прикрываться именем короля, он направлен против короля.

III. Сегодня я в большей степени, чем когда-либо, готов выполнить присягу, данную перед знаменем, и делаю это особенно осознанно, думая исключительно об Испании; приказываю тебе вернуть в казармы все задействованные тобой войска.

IV. Приказываю тебе распорядиться о том, чтобы Техеро прекратил свои действия.

V. Клянусь, что я не отрекусь от трона и не покину Испанию. Те, кто поднимает мятеж, готовы развязать гражданскую войну и понесут за это наказание.

VI. Не сомневаюсь в любви моих генералов к Испании, прежде всего к Испании и потом к монархии. Приказываю тебе выполнить все, что я сказал.

Миланс подчинился, хотя и не сразу. Перед лицом своих офицеров он пытался сохранить честь солдата, испытывая стыд за то, что должен покинуть людей, которые ему доверились. Наконец, в четыре утра он отдал приказ бронетанковым частям вернуться на место.

<...> Подлинная ошибка Миланса – его абсолютное непонимание личности короля. Ему казалось: достаточно пред-

ложить монархическое правительство, и королю оно понравится. Раз дон Хуан Карлос – военный, то (в понимании Миланса) он должен придерживаться тех же ценностей, что и сам Миланс.

Миланс и ему подобные никогда не понимали и не могли принять, что дон Хуан Карлос стал убежденным выразителем и исполнителем воли народа. Иными словами: не уяснили себе, что король действительно демократ, уважающий Конституцию.

Я так и не решился передать королю сказанные позднее слова кавалерийского офицера, сына одного из заговорщиков: «В следующий раз надо будет начать с бомбардировки дворца Сарсуэла...»

Отец и сын

– Правда ли, Ваше Величество, что Вы попросили дон Фелипе...

Король прерывает меня жестом, который уже не раз делал, чтобы остановить меня.

– Да, правда. Я велел принцу Астурийскому всю ночь быть со мной в кабинете, чтобы он видел, как исполняет свою службу король.

– А сколько ему было лет?

– Тринадцать. Идеальный возраст, чтобы начать учиться тому, чему в более старшем возрасте учиться уже поздно. «Папа, а что же будет?..» – спросил он меня в самом начале той ночи. У меня возник в голове образ футбольного мяча, который взлетел в воздух и неизвестно, на чью сторону поля упадет. «Видишь ли, Фелипе, с Коронай происходит то же самое. В этот момент она в воздухе, но я сделаю все возможное, чтобы она упала на нужную сторону». Несколько раз (ему ведь было только тринадцать, как я тебе сказал) бедный мальчик засыпал в кресле. Но я всякий раз застав-

лял его проснуться: «Фелипе, не спи! Смотри, что должен делать король!» В ту ночь Хосе Луис, принц Астурийский, научился многому.

Чуть позже приехали мои сестры Пилар и Маргарита со своими мужьями. Все они разместились в разных комнатах дворца. Я остался в своем кабинете вместе с сыном, с маркизом де Мондехар, с Сабино и помощниками, которые отвечали по телефону. Когда я разбудил Фелипе во второй или в третий раз, он спросонья прошептал: «Ой, ну и месяц выдался!» У него, бедняги, наступил очень трудный месяц из-за занятий, да еще эта Корона в воздухе, это уж было для него слишком! На следующий день дети спросили, должны ли они идти в школу. Я сказал им, что, поскольку все в порядке, нет никаких оснований пропускать занятия.

Через 48 часов Леопольдо Кальво Сото заменил Суареса и возглавил правительство. Сессия парламента, посвященная его вступлению в должность, началась с овации в честь короля <...> Все министры, депутаты, служащие парламента, телефонисты, журналисты и газетные фотографы кричали: «Да здравствует король!» На местах коммунистической фракции все во главе с Сантьяго Каррильо приветствовали короля своим обычным жестом руки, сжатой в кулак. После 23 февраля многие «хуанкарлисты» стали просто монархистами.

Дон Хосе Луис де ВИЛАЛЬОНГА
Фото AP и из архива Королевского дома Испании

■ Александр КАН

Публикация 2007 года

Несмотря на седьмой десяток, она появляется на экранах и на обложках журналов обнаженной, требует, чтобы ее интервьюировал обязательно мужчина, не стесняется признаваться, что ставит будильник на час раньше, чтобы с утра успеть заняться с любимым человеком сексом... Она отказалась принять государственную награду и, наконец, по собственному признанию, она – «убежденная антимонархистка».

Парадоксально, но главной ролью в карьере Хелен Миррен стала королева Елизавета Вторая в фильме «Королева» режиссера Стивена Фриэра, за которую она получила в этом году «Оскара». Причем это была не первая «монархическая» роль в ее биографии. В 2005 году она появилась в телесериале «Елизавета» в образе тезки нынешней королевы, правившей в XVII веке. А еще раньше, в 1994 году, она сыграла королеву Шарлотту, жену Георга III, в фильме «Безумие короля Георга». Но одно дело играть персонажей далекой эпохи, и совсем другое – нынешнюю королеву, пользующуюся и в стране, и в мире огромным авторитетом и уважением. Любой монарх, тем более воспитанный в таких жестких, почти пуританских правилах, как Елизавета Вторая, предстает перед миром исключительно в парадном, сугубо официальном виде.

Можно представить себе, с каким трепетом режиссер и актриса подходили к работе, тем более, что схваченный в фильме короткий период, (август–сентябрь 1997 года) – чуть ли не самый острый за все более чем полувековое правление Елизаветы Второй. Гибель принцессы Дианы, массовый всплеск народного обожания и, как следствие, неприязни к дому Виндзоров поставили монархию на грань тяжелейшего кризиса. Тем более тяжелого, что самой королеве была совершенно непонятна его природа и реакция поданных казалась незаслуженной.

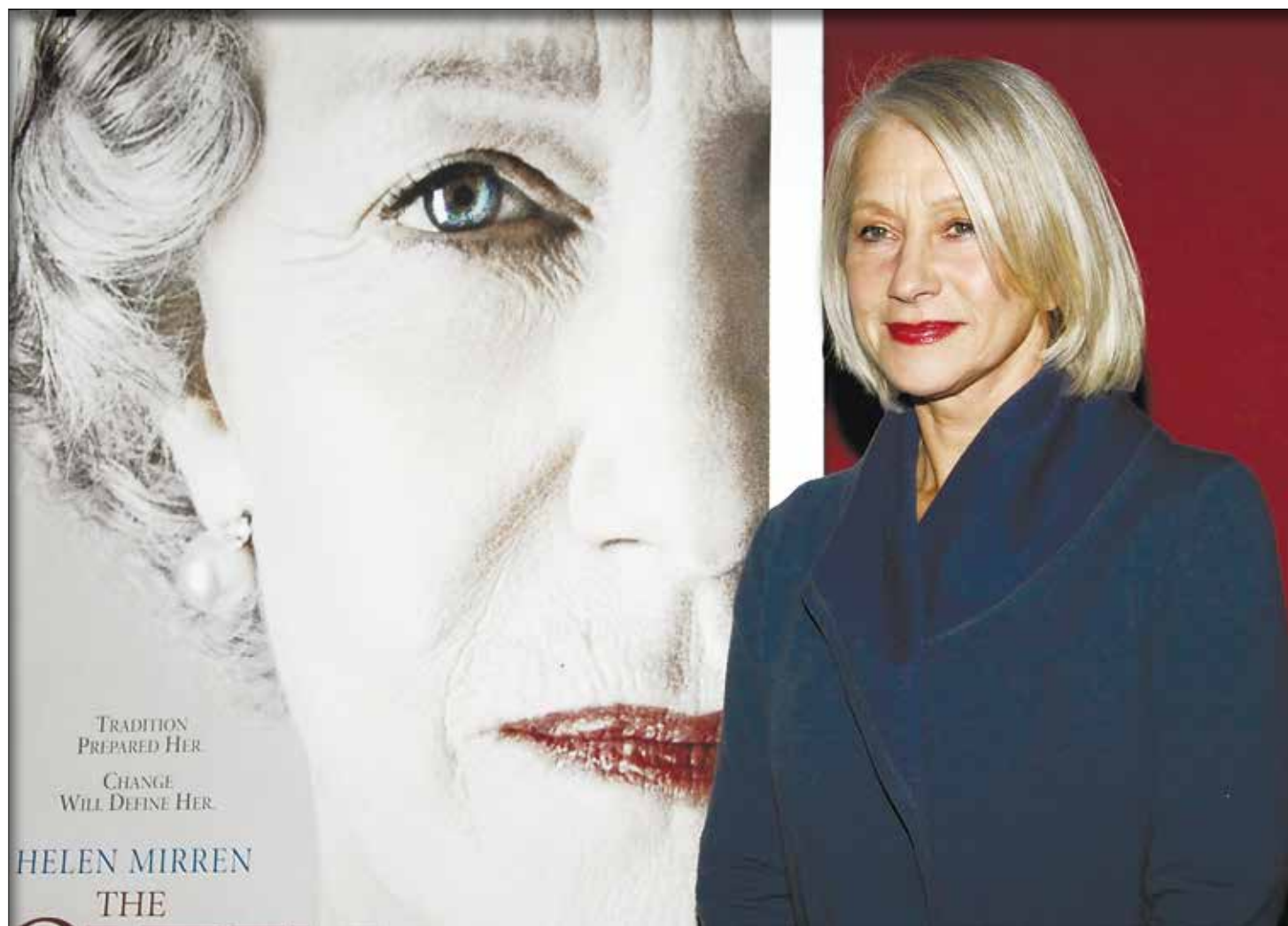
Физическое перевоплощение кажется поразительным. Но еще важнее то новое измерение личности одной из самых известных женщин на планете, которое вносит в свою роль актриса. Гнев, отчаяние, высокомерие, слабость, одиночество, юмор – всю гамму чувств Хелен Миррен передает в выражении глаз и едва заметных движениях привычно надменного поджатых губ. Вот уж где настоящая психологическая актерская школа, которая теперь стала редкостью.

Никакой специальной подготовки к роли, по ее словам, не было. Все пришло само собой и как-то легко – возможно, потому, что многое ей удалось почерпнуть в собственном жизненном опыте. В какой-то степени она просто играла женщину своего поколения, добившуюся заметного успеха в мире, где правят мужчины.

Женщин редкой силы ей приходилось играть и раньше, но только в «молодых» ролях эта сила проявлялась скорее через сексуальность. Ее лучшие кинороли – дебют в фильме английского кинорежиссера Майкла Пауэлла «Совершеннолетие», где она играла молодую музу пожилого художника, роль в скандальной полупорнографической ленте Тинто Брасса «Калигула», затем в сюрреалистическом контркультурном манифесте Линдсея Андерсона «О, счастливы!» и, наконец, в гедонистически-постмодернистской кинооргии Питера Гринуэя «Повар, вор, его жена и ее любовник», где она была той самой, отбросившей все постылые условности женой. Все эти работы пронизаны откровенной чувственностью. Уже относительно недавно, в весьма солидном возрасте, она сыграла главную роль в озорной провокации «Девушки с календаря», сюжет которой строится на затее пожилых домохозяек подзаработать денег, составив целый календарь из своих обнаженных портретов.

При этом сама Миррен, как говорится, вовсе не такая. «Я люблю и ценю красоту и открытую сексуальность – как это было, например у Мэрилин Монро, и я знаю, что сама я вовсе не такая, но

Королева Британии,

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЛИШИЛА СЕМЬЮ ХЕЛЕН МИРРЕН РОДИНЫ И СОСТОЯНИЯ. ОДНАКО ЗНАМЕНИТАЯ БРИТАНСКАЯ КИНОАКТРИСА, ПОЛУЧИВШАЯ В 2007 ГОДУ «ОСКАРА» ЗА ФИЛЬМ «КОРОЛЕВА», – ЧЕЛОВЕК ЛЕВЫХ УБЕЖДЕНИЙ

каким-то образом мне довелось сыграть все эти роли», – с некоторым смущением признавалась она в одном из недавних интервью.

Дочь таксиста, праправнучка фельдмаршала

Она родилась 27 июля 1946 года в лондонском Ист-Энде. Дед ее, русский аристократ и дипломат Петр Васильевич Миронов, во время событий 1917 года оказался в Англии, где от имени царского правительства вел переговоры о закупке оружия. Отправившись уже в послесоветские годы вместе со своей старшей сестрой Кэтрин в Москву и проведя там архивные изыскания, Миррен выяснила, что их род восходит к древней и очень почтенной русской военной династии Каменских. Фельдмаршал Михаил Каменский успешно воевал в русско-турецкую кампанию 1768-1774 гг. и был награжден Георгиевским крестом. В 1806 году он был даже назначен главнокомандующим русской армией, которой предстояло сразиться с Наполеоном, но за провалы был от должности отстранен и заменен Кутузовым. Спустя два года его зарубил топором 15-летний мальчишка, брат одной из многочисленных наложниц престарелого фельдмаршала.

Отец Хелен, Василий Миронов, попал в Англию в двухлетнем возрасте. Получил музыкальное образование, одно время работал скрипачом в Лондонском филармоническом оркестре, но в тяжелые предвоенные годы был вынужден бросить музыку и стал таксистом, а затем инструктором по вождению. Он свободно говорил по-русски, но, как это свойственно многим эмигрантам второго поколения, от своего происхождения всячески стремился отделиться. Он стал называть себя Бейзил, поменял русскую фамилию Миронов на английскую

Миррен и женился на Китти Роджерс из семьи потомственных лондонских мясников. По легенде, дед Китти поставил мясо самой королеве Виктории. Несмотря на то, что русская революция лишила семью имущества под Смоленском, богатства, статуса и родины, Бейзил Миррен был человеком социалистических убеждений и в предвоенные годы отчаянно дрался в рабочих лондонских

кварталах с набиравшими силу чернорубашечниками лидера британских фашистов Освальда Мосли. Лишь в послевоенные годы он с ужасом узнал, во что превратил Сталин милую его сердцу коммунистическую утопию.

Хотя православные праздники в семье соблюдались, и Хелен с Кэтрин и младшим братом Питером (соответственно Лене, Кате и Пете) что-то об их русском происхождении рассказывали, по-русски в доме не говорили и детей готовили к вступлению в обычную английскую жизнь. Уже с шести лет Хелен хотела быть актрисой и в школе всю выступала на сцене. Театр привлекал ее куда больше, чем кино, и с первого же шекспировского спектакля – в 13 лет она в школьном театре сыграла Жанну д'Арк в «Генрихе VI» – она мечтала играть шекспировские роли.

Мечта сбылась быстро и неожиданно легко. Поучившись немного на учительницу, она отправилась на прослушивание в Национальный молодежный театр, была принята и в 1965 году, в возрасте 19 лет, дебютировала на профессиональной сцене в знаменитом театре «Олд Вик» в роли Клеопатры в шекспировском «Антонии и Клеопатре». А через два года была принята в труппу Королевского Шекспировского театра. Классичность и аристократизм шекспировского репертуара вместе с сексуальностью и чувственностью первых кинолент («слишком умная, чтобы воспринимать ее просто в роли соблазнительной красавицы», писал один из критиков-современников) сделали одним из символов революционной эпохи мимолетного Лондона конца 1960-х эту молодую, красивую, раскованную женщину.

И хотя к феминистскому движению она не примкнула, тем не менее, оглядываясь сегодня на свое прошлое, охотно признает, что была и остается феминисткой. Путешествуя в составе труппы Питера Брука по Африке и Америке в

наполовину русская душой

HULTON-DEUTSCH COLLECTION/CORBIS/SPG

Вверху: актриса Королевского Шекспировского театра Хелен Миррен со своим коллегой Эриком Портером, 1969 год. На остальных фото: Миррен с разными наградами, включая «Оскар» (справа)

начале 70-х, в индейской резервации в Миннесоте, она, выпив изрядно бренди, решила сделать себе татуировку между большим и указательными пальцами на левой руке. Татуировка – индейский символ равенства, и она по сей день им гордится: «Равенство – главный принцип жизни, и к тому же знак этот напоминает мне о бурной молодости», – говорит она. Поклонники стремятся уловить татуировку на экране – иногда она загрифована, иногда нет. Оттуда же, из 1960-х, как, впрочем, по-видимому, и от отца, идут и ее собственные левые убеждения. Она не раз принимала участие в политизированных акциях против торговли оружием, против военной диктатуры в Бирме, в защиту детей в разоренной войной Уганде. С призывом остановить продажу оружия в Африку она однажды выступила даже с трибуны Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. В 1997 году она открыто поддерживала избирательную кампанию Тони Блэра и несколько об этом не жалеет: «Было бы ужасно, если бы мы до сих пор существовали при правительстве консерваторов», – говорит она.

Русское происхождение, несомненно, наложило отпечаток на ее роли. В «Космической Одиссее 2001» Стэнли Кубрика она сыграла роль русской космонавтки Тани Кирбук, а в 1985 году стала Галиной Ивановой – возлюбленной героя Михаила Барышникова в полузабытом теперь, но тогда скандальном политическо-романтическом триллере «Белые ночи». На съемках «Белых ночей» она познакомилась и позднее вышла замуж за режиссера Тейлора Хэкфорда. Они и сегодня вместе. А до Хэкфорда ее бойфрендом был молодой ирландский актер Лиэм Нисон, с которым она познакомилась в Ирландии на съемках эпопеи о короле Артуре, привезла с собой в Лондон и помогла началу его успешной кинокарьеры.

Больше десяти лет Миррен и Хэкфорд жили в незарегистрированном браке, постоянно перемещаясь между Лондоном, Лос-Анджелесом, Новым Орлеаном и югом Франции, и лишь в канун 1997 года они поженились в Шотландии и Хелен стала мачехой двух сыновей режиссера. Своих детей у нее нет, как нет, по ее собственному признанию, и материнского инстинкта. Говоря о русских ролях, можно упомянуть еще и Наталью Петровну в тургеневском «Месяце в деревне», поставленном в одном из театров лондонского Вест-Энда и перенесенного на нью-йоркский Бродвей, где спектакль принес ей премию «Тони».

В 1990-е годы, уже войдя в «трудный» для актрис возраст, Хелен Миррен сыграла несколько блистательных ролей в заметных фильмах: «Последние желания», в котором она снялась вместе с Майклом Кейном и Рэем Уинстоном, «Госфордский парк» Роберта Олтмана и, наконец, уже упоминавшиеся «Девушки с календаря», где 58-летняя Хелен Миррен сыграла роль озорного сексуального провокатора. Притом, сразу после того, как она стала «Дамой Британской империи». Этот титул эквивалентен рыцарскому званию.

AP

настолько напряженным, что вырваться в Лондон даже на день ей не удавалось. Из канцелярии королевы последовало плохо скрытое недовольство и сухое уведомление о том, что повторного приглашения не будет. Извечно жаждущая скандала пресса тут же вспомнила левые, антимонархические убеждения Хелен Миррен и ее отказ в 1996 году принять орден. «Действительно, ее отсутствие на съемках могло сорвать рабочий процесс, и ей потребовалось бы получить от продюсеров разрешение отлучиться на несколько дней в Лондон. Однако, учитывая характер приглашения, трудно представить себе, что она не получила бы такого разрешения», – писала одна из газет.

Самой же Хелен Миррен пришлось в многочисленных интервью оправдываться, уверяя репортеров, что она вовсе не хотела высокомерно пренебрегать высочайшим приглашением и принять его ей действительно помешала насущная производственная необходимость.

Возвращение

Трудно было представить себе, что эта блистательная карьера еще не достигла своего пика. Однако успех «Королевы» и Хелен Миррен в главной роли превзошел все ожидания. На нее посыпался шквал наград, перед присуждением «Оскаров» 2007 года ставки на ее победу принимались с самым высоким гандикапом за всю историю наград Американской киноакадемии, и ее победа была настолько очевидной, что букмекеры стали производить выплаты еще до официального объявления результата.

Букингемский дворец был явно вдохновлен планетарным триумфом фильма и теми добрыми словами о королеве, которые Хелен Миррен произнесла перед миллиардной аудиторией церемонии «Оскара». Актриса была приглашена на ужин с Ее Величеством.

Как бы британец ни относился к государственному устройству своей страны, приглашение от королевы – честь незаурядная, и от таких приглашений не отказываются. Хелен Миррен, тем не менее, вынуждена была отказаться: она находилась на съемках фильма «Национальное достояние: Книга тайн» вместе с Николасом Кейджем в США, и график съемок был

Левые политические убеждения, впрочем, вновь проявляются в еще одной роли, в которой снимается кинозвезда. Она играет одну из немногих оставшихся в секторе Газа израильтянок, дочь которой влюблена в палестинца и в результате погибает.

Хотя левизна совсем не мешает ей активно участвовать в светской жизни: она публично пообещала давать уроки актерского мастерства Дэвиду Бекхэму и превратить его по приезду в Лос-Анджелес в кинозвезду. Бывший капитан сборной Англии, как известно, после окончания контракта с мадридским «Реалом» переезжает жить в столицу американского шоу-бизнеса, где он будет играть за третьеразрядный местный футбольный клуб.

А для съемок следующего фильма она отправится в Россию. Документальная лента «Путешествие», показ которой по британскому телевидению намечен на конец этого года, – о том, как Хелен Миррен впервые приезжает в места, где когда-то находилось семейное имение, и встречается с живущими в России родственниками.

Лондон

Вся власть — Моссовету!

PHOTO PRESS

В МАРТЕ 1990 ГОДА СОСТОЯЛИСЬ ПЕРВЫЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ СВОБОДНЫЕ ВЫБОРЫ — В МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ. ПОБЕДУ ОДЕРЖАЛИ ОППОЗИЦИОННЫЕ ПРАВЯЩЕЙ, КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СИЛЫ, ОБЪЕДИНИВШИЕСЯ В БЛОК «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ». ЭТО БЫЛО ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ КПСС В НАШЕЙ ИСТОРИИ. И ПЕРВАЯ ПОБЕДА ДЕМОКРАТОВ. ОБ ЭТИХ СОБЫТИЯХ, ИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ И НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ВСПОМИНАЕТ ОДИН ИЗ ЛИДЕРОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ КОНЦА 1980-Х — НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ ГАВРИИЛ ПОПОВ, КОТОРЫЙ И ВОЗГЛАВИЛ ВЕСНОЙ 1990 ГОДА МОССОВЕТ, А ЕЩЕ ГОД С НЕБОЛЬШИМ СПУСТЯ СТАЛ ПЕРВЫМ В ИСТОРИИ МЭРОМ МОСКВЫ

■ Леонид ВЕЛЕХОВ

Публикация 2010 года

— Победа на выборах в Моссовет была первым реальным достижением демократических сил после того, как они заявили о своем существовании на I съезде народных депутатов СССР и образовали Межрегиональную депутатскую группу. «Поход» на Моссовет был спланированной акцией или какой-то стихийной удачей на волне народного воодушевления?

— Уже в ходе I съезда стало ясно, что он тонет в дискуссиях и никаких решений, которые доходили бы до людей, принять не способен. Ответом стали шахтерские забастовки летом 1989 года и дальнейшее обострение ситуации осенью. Мы пытались что-то сделать, сформировали оппозицию в виде МДГ, но никаких реальных результатов добиться не могли. Дошли до крайности, призвав в декабре 1989 года к всеобщей забастовке. Она не стала такой массовой, как нам хотелось, но все же была достаточно серьезной, народ нас поддержал. Но уже по вопросу забастовки между нами обнаружились разногласия: Ельцин обращения не подписал, подписывали его Сахаров, Афанасьев и я. Но главным выводом 1989 года стал тот, что стихийное народное движение обгоняло все наши планы и предположения. Нас несла эта волна, и мы едва успевали ориентироваться в этом потоке.

Стало ясно: чего-то достичь в союзном центре нам не удастся. Тогда возникла идея: приближаются выборы в республиканские и местные органы власти, можно попытаться дать бой там. Уверенность придавало то, что народ был настроен гораздо более радикально, чем власть. К этому времени мы в МДГ выработали некое подобие платформы. Вернее так: стало ясно, что никакой позитивной платформы у нас нет. Несколько месяцев мы спорили и не могли договориться. И тогда Сахаров высказал, на мой взгляд, гениальную идею. Он сказал: мы не договоримся по поводу системы конструктивных мер, но можем договориться о главном. Мы все согласны в том, что главная наша задача — отстранить КПСС от власти, убрать из Конституции 6-ю статью. И вот на этой платформе действительно объединились все. Так возникла «Демократическая Россия» — объединение всех, кто против КПСС. Монархисты, анархисты, «истинные коммунисты», крайние левые, либералы: кого там только не было. Так был создан единый «кулак», и впервые мы его применили

Гавриил Попов: «Наша бюрократия выросла в коридорах власти. Эти люди совершенно не были готовы к тому, чтобы выводить страну на новый путь развития»

на республиканских и местных выборах весной 1990 года.

В российском парламенте мы не получили решающего перевеса, а на выборах в Моссовет выиграли вчистую. Было принято решение, что из Съезда народных депутатов Ельцин и я уходим: он — заниматься Россией, а я — Москвой. А на съезде остается Афанасьев.

Это была победа, но и колоссальная ошибка. В результате атак на союзный центр, которым мы его подвергали в ходе съездов и выборов, критикуя за отсутствие реформ, мы вообще этот центр начали игнорировать как действующую силу. И тем самым тоже внесли вклад в распад Союза.

Вскоре после победы в августе 1991 года, когда нужно было начать что-то делать, выяснилось, что устраивающей всю оппозицию конструктивной программы у нас нет, и единый блок распался...

Так что, подводя итоги: объединение демократических сил дало победу, но уже на другой день после победы мы обнаружили, что нет общей конструктивной платформы; а сама победа была организована таким образом, что шансы на сохранение Союза уменьшались.

Москва в блокаде

— Тем не менее, от победы на московских выборах до путча, после которого демократическая коалиция развалилась, прошло более года, и все мы хорошо помним это время...

— Я называю этот период «Антисоветская Москва в советской блокаде», и он имел очень существенное значение для всего последующего хода событий. Нам удалось то, что никак не мог сделать Горбачев. Мы раскололи фронт бюрократии и номенклатуры и выделили из него реформаторскую часть...

— Вы имеете в виду, на московском уровне...

— Да. Мы назначили Лужкова руководителем московского правительства, а само правительство на две трети «укомплектовали» бывшей коммунистической номенклатурой. Лишь несколько человек из «своих», из демократов, мы включили в правительство, в основном в социальный блок. А все профессиональные участники — промышленность, торговлю, строительство и так далее — мы отдали профессиональным бюрократам. Но выбрали из них тех, кто хотел и готов был

идти на преобразования. Они очень быстро почувствовали вкус к работе, оценили, что больше не надо ходить согласовывать каждый шаг в горком. Я помню, как Ресин был счастлив, что он теперь сам все вопросы решает.

За этот период удалось показать народу, что может быть власть, альтернативная советской. Ведь до этого мы могли только теоретизировать, выступать на митингах и съездах, а здесь получили возможность действовать и доказали, что не беспомощны. Конечно, мы не могли отменить бесконечные дефициты всего и вся, но мы постарались по максимуму показать людям, что и в этой ситуации, когда ничего не хватало, можно учитывать их интересы. Мы ввели все эти «карточки москвичей», нормативы выдачи продуктов, которые помогли пережить трудности...

— Что вы называете «блокадой Москвы»?

— Прежде остальные области из-под палки центра, по указке и под контролем ЦК КПСС слали продукты в Москву, а теперь их перестали к этому принуждать, и они с радостью сбросили с себя эту повинность. Тем не менее, мы сумели наладить поставки. Власть работала, и все это видели. Это потом, в августе 1991 года, сыграло огромную роль: народ нас поддержал в противостоянии путчу именно потому, что признал как свою власть.

Еще одним важным достижением этого периода я считаю то, что мы начали реализовывать тот вариант реформ, кото-

рый мы считали правильным. Назову его народно-демократическим. Но эта работа была свернута после победы над путчем, когда Ельцин принял гайдаровский вариант преобразований в экономике...

— В чем заключался ваш вариант реформ?

— Мы считали, что проводить приватизацию следует только в отраслях, где возможна конкуренция. Если конкуренции не будет, то приватизация приведет к появлению олигархии, что еще хуже, чем тотальная государственная собственность, потому что почти исключает возможность контроля. Поэтому мы провели приватизацию в сферах бытового обслуживания, торговли и не трогали ни металлургию, ни автомобильную промышленность, ни химическую, где царили предприятия-монополисты. В ходе этой приватизации мы еще и попытались сказать, что те, кто приватизирует, то есть трудовые коллективы, не смогут стать полными, безраздельными собственниками, потому что право на эту собственность имеют и другие жители Москвы. Поэтому мы оставляли некий блок собственности, который потом собирались распределить между всеми жителями города. Мы по максимуму постарались облегчить для наиболее уязвимых групп населения переход от социализма к рынку. Ввели для пенсионеров бесплатный проезд в общественном транспорте, навели порядок в детских садах, и так далее. Но, конечно, главным был вопрос о приватизации жилья. Ведь российский парламент принял очень «со-

Наибольшие трудности страна переживала во время «шоковой терапии». На фото: очередь в московский продуктовый магазин в 1991 году

ветский» закон: 18 метров человек получает бесплатно, а избыток он должен выкупать. Можете себе представить, какая бы развернулась коррупция при оценке и дифференциации этих «избытков», и на сколько бы лет затянулся процесс! Наш вариант был радикальным – всю имеющуюся у человека жилплощадь он получает в собственность бесплатно. А потом метраж можно обложить налогами. В Моссовете наш вариант прошел, и чиновники всех служб быта, которые до этого жаждали приступить к приватизации по варианту российского парламента, потеряли к ней интерес. На дверях ЖЭКов я читал объявления: «По вопросам приватизации – прием один раз в неделю, с 18 до 21 часа». Мы обязали проводить прием по приватизации каждый день, с утра до вечера. О задержках в оформлении жилья в собственность дольше, чем на три дня, – немедленно сообщать напрямую в Моссовет. Самое замечательное, что российский парламент принял наш вариант приватизации.

Но в остальном, как я уже сказал, наш путь реформ в масштабах России был отвергнут. Приватизации подверглись отрасли, где царил монополизм, и даже нефтегазовая, где вообще приватизация была недопустима...

Выбор для Ельцина

– А почему такой ваш провал? В МДГ вы были близки с Ельциным, имели на него влияние, как тогда казалось. Да и не мог он не уважать таких интеллектуалов, как вы, Афанасьев... Почему же ваша версия реформ не была им воспринята?

– Тут были субъективные и объективные причины. Знания Бориса Николаевича в области экономических теорий были чрезвычайно скудными. Работая в Свердловске, он не мог нажить и навыков общения с интеллектуалами, поэтому нас он попросту сторонился. Он был самолюбивым человеком и все время боялся ошибиться, сказать что-то не так, невпопад... Мне он еще как-то доверял, понимая, что я никогда не буду претендовать на его место и его роль, а вот к Афанасьеву очень настроенно относился. А объективным обстоятельством было то, что Борис Николаевич победил в России только после его соглашения с коммунистической номенклатурой. Не было у демократов большинства в российском парламенте, и, главное, не было у нас большинства в самом российском обществе. И не могло быть – в силу самой природы этого общества. Нужно было договариваться и идти на уступки. В окончательном варианте реформ были по максимуму учтены интересы номенклатуры. И интересы Запада. Потому что без помощи Запада Ельцин и новая власть в целом удержаться бы не смогли.

В декабре 1991 года у нас состоялся очень тяжелый разговор. Я сказал ему, что двух систем реформ в стране быть не может, он должен сделать выбор: или гайдаровская «шоковая терапия», или наш вариант, который мы пытались осуществить в масштабах Москвы. Он мне сказал: я вам дал права делать в Москве все по-вашему. Я ответил: это невозможно, не может солдат идти не в ногу со всей остальной ротой. «Что вы предлагаете?» – «Вводите меня в правительство, но мне это нужно не для того, чтобы там чинно заседать, я буду категорически возражать Гайдару». – «А Гайдар сказал, что он с вами работать не будет, он сказал: или Попов, или я!» – «Что ж, Гайдар правильно сказал, он грамотный человек, экономист. Он знает, что я по своей идеологии социал-демократ и кейнсианец, а он – сторонник монетаризма и рыночной либеральной модели. Действительно, мы несовместимы». – «А вот под Гайдара американцы мне обещали 37 млрд долларов. Что бы вы на моем месте сделали?» – «Если честно сказать, предпочел бы Попову 37 млрд. Этой суммы хватит, чтобы продержаться два года самых тяжелых преобразований. Я, правда, не очень верю в эти обещания, потому что в рыночной экономике не субсидируют конкурента. Но раз вам обещали, вот мое заявление об отставке, дату я не ставлю, вы сами это сделаете, когда сочтете нужным...»

7 ноября 1990 года. Альтернативная демонстрация группы народных депутатов на Красной площади. В центре – Борис Ельцин, справа – Гавриил Попов

Немцов сейчас говорит неправду, утверждая, что «Попов сбежал». Я не сбежал, меня выставили. Культурно, нормально, но выставили. Все мои предложения по приватизации и, главное, по земельной реформе были отвергнуты. Земля была отдана не народу, как я предлагал (за какой-то символический выкуп, как в свое время сделал Линкольн), а аграрной бюрократии в качестве платы за ее верность. А промышленность была приватизирована в интересах бюрократии – государственной, силовой, хозяйственной, – использовавшей для прикрытия олигархов.

– Выходит, вы сделали ошибку, в начале 1990 года «уйдя на Москву»...

– Я уже сказал: ошибка была допущена всеми демократами, когда был взят курс на то, чтобы победить в республиканских и местных органах власти и сосредоточиться на работе там. Вернее, в идеале, победив «на местах», мы должны были вновь сфокусировать свои усилия на союзном центре. А мы, вместо того чтобы решать проблемы Союза, стали решать проблемы республик порознь. Да и на республиканском и местном уровне мы не могли прийти к общему мнению по ключевым вопросам. После путча я настаивал на том, что все Советы должны быть распущены, включая Верховный Совет, нужно провести выборы в Учредительное собрание, которое и определит дальнейшую судьбу России. Ельцин не решился, а через два года вынужден был расстреливать этот Верховный Совет...

– Тем не менее, во время путча именно Советы – Московский и Ленинградский – сыграли очень важную роль...

– Решающую. Вернее сказать, решающую роль сыграли 20 тысяч москвичей, вышедших на защиту Белого дома. Но сами Советы как форма управления себя изжили, именно после путча. Они все-таки тесно были связаны с коммунистическим прошлым.

Модернизация в «шарашке»

– Сегодня стало общим местом противопоставлять 1990-е и так называемое «десятилетие нулевых» – первое десятилетие нашего века. Власть и лояльная ей публика делает это противопоставление, конечно, в пользу «нулевых», либеральная оппозиция – наоборот. Но из ваших слов я заключаю, что происшедший в «нулевые» номенклатурный реванш, по вашему мнению, был «запущен» Ельциным еще в самом начале 1990-х...

– Да, это так. Но хуже всего, что альтернативы номенклатурному варианту развития, похоже, и не было. Народные массы были воспитаны в духе иждивенчества, они ждали подачек от власти,

Ельцин это очень хорошо чувствовал, поэтому все время что-то обещал... Вариант народной демократии не был для России реален, его сторонники могли выступать как оппоненты и критики власти, и вот это могло бы быть плодотворно. Но для этого нам нужно было немедленно после путча уйти в оппозицию, оставив бюрократии проводить реформы, а самим взяв на себя роль контролеров, которые бы ловили ее на злоупотреблениях, критиковали, и т.д. Иными словами, нормальным вариантом для России был бы китайский.

– Какая же оппозиция в Китае?

– Я имею в виду другое – что реформы проводила Компартия. Но там было то, чего не было у нас. Там в руководящем звене партии были люди, которые вышли из революции. Они умели действовать в экстремальных обстоятельствах и брать на себя ответственность. И вообще – чувствовали свою личную ответственность за страну. Вот таких людей у нас не было. Наша бюрократия выросла уже не в подполье и не в окопах, а в коридорах власти. Эти люди совершенно не были готовы к тому, чтобы выводить страну на новый путь развития.

Номенклатура хотела захватить собственность, другой задачи у нее не было. Она не хотела допустить к этой собственности народ – поэтому с самого начала на мелком и среднем бизнесе был поставлен жирный крест. А вместе с тем – и на демократии. Демократия может базироваться только на миллионах самостоятельных людей, у которых есть собственность, свои осознанные интересы, и они знают, чего хотят и чего не хотят.

– А почему же вы и ваши товарищи не ушли сразу в оппозицию?

– Я предлагал. И сам я ушел. Еще несколько человек поступили так же. Но большинство жили еще в эйфории от победы, верили в Ельцина и в его способность провести реформы.

– До какой степени сами авторы реформ – я имею в виду Гайдара и его единомышленников – понимали, что они прокладывают бюрократии дорогу к власти и собственности?

– Думаю, что не понимали. Гайдар был убежденным рыночником и искренне хотел, чтобы заработали законы рынка. Но он недостаточно понимал, что в России с ее гигантским военно-промышленным комплексом и предельно монополизированной экономикой нет и еще десяток лет не будет для этого базы, и нельзя надеяться, что какая-то, пусть уже опробованная где-то готовая модель, та же шоковая терапия, сработает и у нас. Я думаю, впоследствии он понял многие свои ошибки и заблуждения: во всяком

случае, об этом свидетельствуют его работы последнего времени.

– Имя Гайдара уже не в первый раз звучит в нашем разговоре, поэтому я не могу не спросить вас о вспыхнувшей в январе и наделавшей столько шума полемике вокруг реформ 1990-х, инициатором которой стали вы с Лужковым...

– Прежде всего, я хочу сказать, что Гайдара я принимал в университет, он учился на факультете, где я был деканом. И я хорошо знаю, как формировалась его идеология. Он учился на отделении зарубежной экономики и специализировался по Чили. Мы освобождали время в учебной программе для зарубежных студентов для изучения ими языка страны. И сокращали курсы по политэкономии, по истории экономических учений. В итоге те, кто изучал Швецию, знал «шведскую модель», а те, кто Чили, – шоковую модель Пиночета. Потом западные специалисты рекомендовали «шок» и для выхода из социализма.

Отсюда его приверженность монетаристской концепции и идее «шокового» перехода к рынку, который осуществит «силовик». В советское время Гайдар работал в структурах КПСС, постоянно выступая с идеями реформ и преобразований, и долго верил, что «шоковую терапию» может осуществить здоровое крыло в КПСС. Это был человек последовательный во всем, и не случайно сам он вышел из партии только после путча, когда окончательно понял, что это здоровое, горбачевское крыло не способно возглавить преобразования. И тогда его озарило действительно по-своему гениальное решение: заменить силу популярностью Ельцина. Беспрецедентным кредитом доверия, который поначалу имел Ельцин, расплачивались за непопулярные реформы, на карту был поставлен весь его политический капитал, и мы помним, чем это кончилось.

– Почему сейчас вам показалось нужным вернуться к этой теме, разве она себя не исчерпала?

– Нет, не исчерпала. Вопрос о будущем страны остается открытым, в том числе для самой власти, пустившейся в рассуждения о модернизации. Оппозиция, называющая себя «правой», по-прежнему привержена либеральной модели. Эта модель бесперспективна для страны. И для оппозиции с такой идеологией в России нет никаких перспектив. В нашей стране массовой может быть только социал-демократическая оппозиция.

Что же касается задачи модернизации, то, мне кажется, она не может ставиться вот так отдельно, в отрыве от других целей. Должны быть решены две главные задачи – создание постиндустриальной экономики и гражданского общества. Они не решаемы, в свою очередь, без создания среднего класса, для чего необходимо помочь встать на ноги малому и среднему бизнесу, фермерскому хозяйству, поддержать интеллигенцию. Везде, где только можно, надо провести демонополизацию. Добывающие отрасли не могут быть сосредоточены в руках частных компаний. Необходима земельная реформа. Земля должна стать объектом купли-продажи. А уже после, на базе этих преобразований, можно приступать к модернизации. В «шарашке» модернизация немалыми. Для нее нужно свободное общество.

А теперь я вас спрошу: вы заметили, что 20-летие первого демократически избранного Моссовета просто замолчали? Как замолчали в прошлом году 20-летие Первого съезда народных депутатов СССР? Как замолчат, я уверен, в будущем году 20-летие провала путча... Почему, как вы думаете?

– Не к лицу как-то нынешней власти вспоминать события, сутью которых были демократические выборы и свободное волеизъявление людей...

– Это были события, знаменовавшие собой тотальное поражение бюрократии. И она не хочет вспоминать, как народ ей дал под зад коленкой, а она бежала в страхе, отчаянно цепляясь за старое.

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЁВ

НАД ПРИЛОЖЕНИЕМ РАБОТАЛИ:
Александр КЛИЩЕНКО, Ирина ШМЕЛЁВА

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТРЕЙД»

Адрес учредителя:
127247, г. Москва, Дмитровское шоссе,
д. 100, стр. 2

Генеральный директор:
Андрей КОРАБЛИН

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
+7 499 288 00 89

Издание зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-79632 от 25.12.2020 г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 09.07.2021 г.
Выход в свет 09.07.2021 г.
Общий тираж: 100 000 экз.

Свободная цена.
Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:
Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов, их использование
в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ,
возможна только с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов
не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТРЕЙД», 2021

Импортер в Беларусь:
ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибьюторы
Приложения:
ООО «Издательский дом
«Гранд Экспресс»
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано
в АО «Прайм Принт Москва»
Адрес: 141707, Московская область,
город Долгопрудный, проезд Лихачевский,
дом №5В

Тираж: 10 500 экз.
Заказ № 1959